

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный меридиан

Апрель 2010 г.

№ 4 (28)

В.К. АРСЕНЬЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЁТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

4 апреля

ПАСХА

На фото – отец Николай, настоятель храма Благовещения Пресвятой Богородицы, г. Арсеньев.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Владимир КОСТЫЛЕВ. (Колонка редактора)	2
Дэв СИРАН. (Проза)	3
Геннадий БОГДАНОВ. (Литературный путеводитель)	4
Эльвира КОЧЕТКОВА. (Из первых уст)	6
Николай КОРТЕЛЕВ. (Край заповедный)	8
Лидия СЫЧЕВА. (Мастерская)	10
Галина СТОЯНЦЕВА. (Поэзия)	12
Вера КАРАМАН. (Поэзия)	13
Софья ИОСИЛЕВИЧ. (Поэзия)	14
Нина ИСАКОВА. (Поэзия)	15
Вера ГУНДАРЕВА. (Поэзия)	16
Светлана ШКЛЯЕВА. (Поэзия)	17
Василий ПОНОМАРЕНКО. (Поэзия)	18
Юрий КАБАНКОВ. (Поэзия)	19
Николай ЧАЙКА. (Истоки)	20
Д. Попов, А. Степанова, М. Калякина (У подножия Парнаса)	23
Пётр ПУЗИН. (Конкурс «Шумит волна...»)	24
Василий САМОТОХИН. (Из дальних странствий возвратясь)	26
Сергей ЮДИНЦЕВ. (Эхо прошлого века)	28
Олег КОПЫТОВ. (К 65-летию Великой Победы)	31
Людмила БЕРЕСТОВА. (Детские стихи)	32

Отвергая сомнения

Сегодня мне хотелось бы напомнить нашим уважаемым авторам и читателям об осторожности. Прежде всего – об осторожности в высказываниях, а также – о более критичном отношении к собственному творчеству. Среди обильной корреспонденции, поступившей в редакцию «Литмеридиана» в последние два-три месяца, встречаются письма, авторы которых, дают понять, что члены редколлегии «ЛитМ» не способны по достоинству оценить присланные ими (авторами) безупречные литературные (!) произведения.

Мне неоднократно приходилось очно и заочно вести беседу с литераторами, непоколебимо уверенными в исключительной художественной ценности их собственных творений. Некоторые из таких горе-сочинителей изводят десятки листов бумаги, цитируют статьи из словарей, находят своим **филологическим** огрехам безусловное оправдание в виде литературоведческих терминов, и нередко кивают на классиков: а вот у Пушкина, у Лермонтова... Но, дамы и господа, поясните мне, «консервативному редактору», какие высокие средства художественной изобразительности могут оправдать безграмотную манеру письма?

Давайте прежде научимся писать без **речевых**, орфографических, пунктуационных ошибок, выверяя каждое слово, используя разнообразные стилистические возможности языковых средств, etc., и только потом – на основе прочно усвоенных азов – обратим свой пытливый ум на тот факт, что литература может быть и художественной. В противном случае – пропагандируя собственные посредственные тексты – мы рискуем выглядеть смешно и неубедительно даже для неквалифицированного читательского большинства. Подумайте, прежде чем присылать строки вроде этих:

*Кто ходит за дикою вишней
В далёкий дубовый лесок.*

Или:

*Стучат, стучат колёса
По стоптанной меже...*

К сожалению, у нас случаются проходные публикации. Тому есть объективные причины, которым можно посвятить отдельный разговор. Но редколлегия «Литературного меридиана» с первого вышедшего в свет номера выдвигает жёсткие требования к качеству присылаемых материалов, и эти требования будут только возрастать. Иначе – какое же мы литературное издание?

Владимир Костылев

ИВАНОВ ДЕНЬ

ДЭВ - Сиран,
п. Углекаменск, Приморский край

«А что такое счастье?
Объяснил бы кто – нибудь! –
Вся загадка, может статься,
Заключается в «чуть – чуть».

Евгений Лебков

Лето. Макушка года.

День перед Ивановым днём, так называется 7 июля, проходит в гулянье, известен в народе под названием «Старый Ярило». Июль – краса лета, середка цвета. По утрам часты туманы. Пчёлы, букашки, мухи снуют – собирают нектар. В Иванов день устраивают купания, сопровождаемые пением, многочисленными обрядами, преданиями, сказаниями, связанными с растительным миром.

«Иванов день пришёл – траву собирать пошёл».

Травы, действительно, набрали силу – цветут. Пора сенокоса.

Сбор трав и сушка их для лечебных целей...

Всего не перечтёшь...

Главным героем, в преданиях, растительного мира становится в Иванов день папоротник. Цветок папоротника, гласит легенда, раскрывается всего на мгновение – в полночь, в полнолуние.

Увидеть, а тем более сорвать такой цветок трудно. Цветок раскрывается на мгновение – и сразу его уносит неведомая рука.

Разговоры об этом и других чудесах на земле, воде...

Настраивают...

С вечера нашёл я папоротник, осмотрел место и само растение. На верхушке виднелось нечто вроде небольшого белого зёрнышка – почка набухла. Мелькнуло: неужели распустится цветок?

Вечер прошёл в ожидании и подготовке.

Ночь плеснула прохладой. Дышалось легко. От земли исходил аромат цветения. Яркие звёзды, разгоревшиеся на своде, не застилались лёгкими облачками, плывущими в своей задумчивости.

Тихо.

Даже лягушки не подавали своего голоса. Почти полночь. Полнолуние. Луна восходит в полночь. Накинул на голову лёгкую фуражку. Осматриваясь, подошёл к папоротнику. Нагнулся. Пьянящий аромат цветения усилился, разливаясь густой волной. Не-

ожиданно Луна выставила краешек из-за горизонта, её тут же накрыло облако – потемнело. Зрение напряжено, слух обострён. Раздался какой-то шорох, верх папоротника качнулся, почка вроде стала больше.

Оглушил треск.

Глаза ослепила вспышка, столь яркая, что почувствовал резь в глазах.

Мистика!

Рука молниеносно сорвала фуражку с головы, схватила пылающий цветок. Отпрянул, как от удара. Прижал руку с фуражкой к груди и, поражённый увиденным, бросился бежать к дому.

Влетел в комнату. Сердце бухало, как огромный молот. Щёлкнул выключателем, вспыхнула лампочка, заливая помещение нестерпимо ярким светом. Аккуратно открываю фуражку.

Перед глазами поплыли радужные волны...

Неудержимое чувство радости познанного мгновения счастьем наполнило сердце:

*В ночном просторе лета
Ищу цветок забвенья.
В полночной тишине
Огонь цветка сверкнул.
Сердце захолонуло,
Кровь застыла в телесах.
ГОРИТ! Горит в купаву ночь
Огонь – цветок ночной луницы...*

Рисунок Леонида ЧЕРНОВА, г. Уссурийск

Образ мира, в слове явленный

Геннадий БОГДАНОВ

/Продолжение разговора о творчестве Б.Л. Пастернака/

Прежде чем начать разговор о поэзии и о поэте, чьё имя оставило глубочайший след в истории литературы, позволю себе несколько отвлечься от темы и поразмышлять о нашем непростом времени, в котором мы все живём.

Многие реалии сегодняшнего дня вызывают у меня неприятие и непонимание. В дни Великого поста особенно чувствуется враждебность и жестокосердие мира. Вера и молитва помогают не поддаваться искушениям. Стараюсь смиряться и не отвечать грубостью на грубость, избегать праздных разговоров, шумных споров и прочей суеты светской жизни. У меня вообще сложилось впечатление, что существует некая программа по разрушению нашей страны, а СМИ, особенно телевидение, ежедневно дают отчёт о выполнении этой программы. А как ещё назвать ту грязь и пошлость, что заполонили телеэкраны? Совсем не радужные мысли посещают меня в эти дни. Но, как сказал поэт, «расстраиваться не надо: у страха глаза велики». И то верно, ибо пройдёт Страстная неделя, а там уже и Пасха, ранняя в этом году.

Сегодня я продолжу разговор о творчестве Б.Л. Пастернака, начатый в «ЛитМ» №3. И вновь моим подспорьем будут воспоминания Андрея Вознесенского, лично знавшего поэта в течение четырнадцати лет, а также я постараюсь выразить свои впечатления о творчестве Бориса Леонидовича.

Давным-давно стоял в моей мастерской старенький бобинник марки «Маяк». Это было время, когда я писал живописные этюды маслом, ещё не писал стихов и особого восторга от прочтения оных не испытывал. Молодость безотчётна и беспечна, но хрипловатый голос первого барда страны волновал душу. Моё поколение читало Окуджаву, Визбора, Клячкина, но рупором нашего времени был Владимир Высоцкий. Не помню, откуда появилась на магнитофоне эта бобина, сразу поразившая меня тем, что Высоцкий не пел, а читал, словно чеканя, строки стихотворения:

Гул затих. Я вышел на подмостки...

Читал, вновь и вновь меняя интонацию. Стихотворение пробирало до дрожи, оставляло в душе неизъяснимое чувство. Странно, но я сразу после прослушивания был уверен на сто процентов, что стихотворение принадлежит не Высоцкому. Я переписал его себе в блокнот. Оно было моим талисманом. Спустя некоторое время кто-то из моих друзей сказал, что стихотворение называется «Гамлет» и написал его Борис Пастернак. Так состоялось моё первое знакомство с творчеством одного из величайших поэтов серебряного века. До сих пор с волнением читаю это стихотворение и читаю его так, как читал Высоцкий, – без последней строфы. На мой взгляд, так оно звучит органичнее.

Гамлет

*Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далёком отгололке,
Что случится на моём веку.*

*На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.*

*Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.*

Вознесенский вспоминает: «Когда он переехал насовсем в Переделкино, телефонные звонки стали реже. Телефона на даче не было. Он ходил звонить в контору. Ночная округа оглашалась эхом его голоса из окна, он обращался к звёздам. Жил я от звонка до звонка. Часто он звал меня, когда читал на даче своё новое... Чтения бывали в его полукруглом фонарном кабинете на втором этаже. Собирались. Приносили снизу стулья. Обычно гостей бывало около двадцати... Затихали. Пастернак садился за стол. На нём была лёгкая серебристая куртка типа френча, вроде тех, что сейчас вошли в моду. В тот раз он читал «Белую ночь», «Соловья», «Сказку», ну, словом, всю тетрадь этого периода. «Гамлет» шёл в конце. Читая, он всматривался во что-то над нашими головами, видимое только ему. Лицо вытягивалось, худело. И отсвета белой ночи была куртка на нём...

Чтения обычно длились около двух часов. Иногда, когда ему надо было что-то объяснить слушателям, он обращался ко мне, как бы мне объясняя: «Андрюша, тут в «Сказке» я хотел как-то на медали выбить эмблему чувства: воин-спаситель и дева у него на седле». Это было нашей игрой. Я знал эти его стихи наизусть, в них он дошёл до вершины свой приём называния действия, предмета, состояния. В стихах цокали копыта:

*Сомкнутые веки.
Выси. Облака.
Воды. Броды. Реки.
Годы и века.*

У меня с ним был разговор о «Метели». Вы помните это? «В посадке, куда ни одна нога не ступала...» Потом строчка передвигается: «В посадке, куда ни одна...» – и так далее, создавая полное ощущение движения снежных змей, движение снега. За ней движется Время.

Он сказал, что формальная задача – это «суп из топора». Потом о ней забываешь. Но «топор» должен быть. Ты ставишь себе задачу, и она выделяет что-то иное, энергию силы, которая достигает уже не задачи формы, а духа и иных задач.

Форма – это ветровой винт, закручивающий воздух, вселенную, если хотите, называйте это духом. И винт должен быть крепок, точен.

У Пастернака нет плохих стихов. Ну, может быть, десяток менее удачных, но плохих – нет. Как он отличен от стихотворцев, порой входящих в литературу с одной-двумя пристойными вещами среди всего серого потока посредственных стихов. Он был прав: зачем писать худо, когда можно написать точно, то есть хорошо? И здесь дело не только в торжестве формы, как будто не жизнь, не божество, не содержание и есть форма стиха! «Книга – кубический кусок дымящейся совести», – обмолвился он когда-то. Особенно это заметно в его «Избранном». Порой некоторый читатель даже устаёт от духовной напряженности каждой вещи. Читать трудно, а как-то писать ему было, жить этим!..

Из всех черт, источников и загадок Пастернака детство – серьёзнейшая.

*О детство! Ковш душевной глубли!
О всех лесов абориген,
Корнями вросший в самолюбье,
Мой вдохновитель, мой регент!..*

И «Сестра моя – жизнь», и «Девятьсот пятый год» – это, прежде всего, безоглядная первичность чувства, исповедь детства, бунт, ощущение мира в первый раз. Как ребёнка, вырвавшегося из-под опеки взрослых, он любил Лермонтова, посвятил ему лучшую свою книгу...

Помню встречу Нового года у него на Лаврушенском. Пастернак сиял среди гостей. Он был и ёлкой и ребёнком одновременно. Хвойным треугольником сдвигались брови Нейгауза. Старший сын Женя, ещё храня офицерскую стройность, выходил, как из зеркала, из стенового портрета кисти его матери, художницы Е. Пастернак...

Стихи сохраняли вещное и вещее головокружительное таинство празднества, скрябинский прелюдный фейерверк.

*Лампы задули, сдвинули стулья...
Масок и ряженных движется улей...
Реянье блузок, пенье дверей,
Рёв карапузов, смех матерей...
И возникающий в форточной раме
Дух сквозняка, задувающий пламя...*

Дней рождения своих он не признавал. Считал их датами траура. Запрещал поздравлять. Я исхитрялся приносить ему цветы накануне или днём позже – 9-го или 11-го, не нарушая буквы запрета. Хотел хоть чем-то утешить его.

Я приносил ему белые и алые цикламены, а иногда лиловые столбцы гиацинтов. Они дрожали, как резные – в крестиках – бокалы лилового хрусталя. В институте меня хватало на живой куст сирени в горшке. Как счастлив был, как сиял Пастернак, раздев бумагу, увидев стройный куст в белых гроздьях. Он обожал сирень и прощал мне ежегодную хитрость.

И наконец, каков был ужас моих родителей, когда я, обзвывая, отказывался от своего дня рождения и подарков, спокойно заявив, что считаю этот день траурным и что жизнь не сложилась.

*...Всё злей и свирепей дул ветер из степи...
...Все яблоки, все золотые шары...*

Наивно, когда пытаются заслонить поздней манерой Пастернака вещи его раннего и зрелого периода. Наивно, когда, восхищаясь просветлённым Заболотским, зачёркивают «Столбцы». Но без них невозможен аметистовый звон его «Можжевельного куста». Одно прорастает из другого.

Без стогов «Степи» мы не имели бы стогов «Рождественской звезды».

Люди пошлые не понимают жизни и поступков поэта, истолковывая их в низкоземном, чаще своекорыстном значении. Они подставляют понятные им категории – желание стать известнее, нажиться, насолить собрату. Между тем как единственное, о чём печалится и молит судьбу поэт, это не потерять способности писать, то есть чувствовать, способности слиться с музыкой мироздания. Этим никто не может наградить, никто не может лишить этого.

Она, эта способность, нужна поэту не как источник успеха или благополучия и не как вождение пером по бумаге, а как единственная связь его с мирозданием, мировым духом – как выразились бы раньше, единственный сигнал туда и оттуда, объективный знак того, что его жизнь, её земной отрезок, идет правильно.

Интересно, что цикл «Стихотворения Юрия Живаго» состоит из 24 стихотворений, причем начинается он стихотворением «На Страстной»:

*Ещё кругом ночная мгла.
Такая рань на свете,
Что площадь вечностью легла
От перекрёстка до угла,
И до рассвета и тепла
Ещё тысячелетье...*

*А в городе на небольшом
Пространстве, как на сходке,
Деревья смотрят нагишом
В церковные решётки.*

*И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград...*

В этих строчках такое волшебное ощущение детства, когда всё полно тайны, когда за каждым углом подстерегает чудо, деревья одушевлены и ты причастен к богослужению:

*И шествие обходит двор
По краю тротуара,
И вносит с улицы в притвор
Весну, весенний разговор,
И воздух с привкусом просфор
И вешнего угара...*

Невозможно читать это стихотворение без волнения. Видишь заплаканные лица прихожан, торжественный вынос плащаницы, крестный ход и свет у Царских врат:

*И пенье длится до зари.
И, нарыдавшись вдосталь,
Доходят тише изнутри
На пустыри под фонари
Псалтырь или Апостол...*

Стихи Б. Пастернака о вечных темах – о человечности, откровении, жизни, покаянии, смерти, самоотдаче. Этими великими вопросами мучились Микеланджело, Врубель, Матисс, Нестеров, воплощая в своих полотнах метафоры из Нового Завета. Решение главных тем в творчестве этих художников не было модернистским, как, скажем, у Сальвадора Дали. То же самое мы можем сказать и о стихах Бориса Пастернака. Мастер в поздних своих стихотворениях работал суровой кистью реалиста в классической сдержанной гамме. Художник пишет жизнь, пишет ближних своих, через них постигая смысл мироздания.

Как я ходила к Джону

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток

Обледенелая февральская дорожка привела к новенькому зелёному забору, за которым живёт Джон. Больше месяца рукопись моей первой книжки гостит у художника. Что она там делает? Разглядывает серый, с чёрными буквами высоченный потолок, с которого на головы изумлённых гостей по желанию хозяина падает на верёвочке плафон с цветными карамельками? Видит, как Джон слоняется по ночам из угла в угол, в поисках единственного решения? Слушает его прокуренное дыхание и разглядывает серые глаза, смотрящие внутрь него самого? Много ли ей досталось вздохов и разных словечек? Сколько междустрочий пробороzdил в ней его нервный карандаш? А может, она просто пылится, как весь внутренний мир его уникальной маленькой мастерской?

Пышная кучерявая борода, увенчанная улыбкой, первой появилась на морозе, и я, подхваченная за локоток крепкой рукой, оказалась втянута в ледяной двор дома. Не дожидаясь, пока разгляжу темноту между двумя дверями, хозяин провёл меня в прихожую (она же гостиная, она же кухня...), и, объятая духом жилья, вскоре увидела я на вешалке своё пальто, шапку и рукавички....

Чёрный кофе на белом столе разогревал разговор.

– Джон, я принесла несколько необычных картинок, которые сделала моя знакомая. Не знаю, как называется эта техника, но по содержанию – похоже на «фэнтэзи». Может, что-то из этого применимо для оформления обложки?

Стопка картинок, в которых можно было увидеть всё, что подскажет фантазия, стала постепенно кочевать с одного места стола на другое. Джон вглядывался. Молча, не спеша. Его выразительные ноздри, казалось, напряглись и тоже воспринимали краски. Я боялась пошевелиться. Нравится или нет?.. Картинки прошли по кругу трижды.

– Это никак не подходит для твоей книжки, – наконец заключил Джон. – Они – пустые. В них нет энергии, нет жизни. Годятся для медитации. А у тебя в книжке всё серьезно, с философией... Например, стихотворение про дождь: «Может, и этот год/ Я на земле буду...» Она ведь их как делала?.. Сейчас покажу, – и он удалился за бумагой и красками.

Ага, значит, моя книжка вовсе не скучала...

Художник с кисточкой – поневоле ожидаешь чуда. Джон развёл краски, наляпал на белый лист бумаги несколько цветных пятен и накрыл его другим таким же белым листом. Я нетерпелива, пытаюсь примостить на столе подбородок, вставленный в кулаки. Ну что там?.. Наконец Джон разъединяет половинки. Вот они, знакомые разводы! Капиллярные явления, основанные на смачивании, сделали своё дело и мне, физику, абсолютно понятны. Я тоже так могу! В любом количестве и без всякого труда... Джон откинулся на стуле, я придвинулась к спинке кресла...

– В красном кленовом листочке, упавшем на землю, куда больше жизни и правды. И в кусочке бересты тоже больше... От рождения до смерти – там записано всё. Над листочком долго трудилась природа, он выстрадан. Ты можешь увидеть себя... Радость и печаль. В книжке всё это есть.

Джон начал произносить названия некоторых моих стихов, говорить об их содержании и своём восприятии отдельных строчек. На столе появилась рукопись, и я увидела на ней какие-то его пометки.

– Я прочитал её три раза.

Ого! Три раза! Мою рукопись! А я-то думала, что он её благополучно забросил... Джон начал рассуждать, как мог бы выглядеть образ «Фиолетового имени», ставшего названием книжки. Как вообще можно представить такой образ? Нет, конечно, в стихотворении я как-то его увидела, но на обложке...

– Ты и не должна видеть, – успокаивал Джон. – Это задача художника – трансформировать прочитанное в образ. Ты уже всё сделала. Конечно, на твоей обложке не должно быть ничего фиолетового...

Интересненько! А я ещё недавно собиралась вымазать всю обложку в сплошное фиолетовое пятно или разместить там багульник... Станный он какой-то, Джон.

Передо мной сидел не просто художник. Философ, обративший меня в свою веру. Заступаться за принесённые картинки уже не хотелось.

– Можно попробовать поработать со шрифтами для шмуцов...

Я очень смутно представляла этот процесс, больше догадывалась. Книжка-то первая.

Джон затачивает тонкую палочку, окунает её во что-то чёрное и наклоняется над белой бумагой. Чувствую: происходит неуловимое...

– Как там у тебя?.. – он совершенно чудесным образом, с короткими паузами, вычерчивает название одной из рубрик в книжке: «Вот так бывает».

Слышу свой собственный восторженный вопль... Это же не просто заголовок! На моих глазах только что родился прекрасный графический рисунок. Потираю ладони и вижу – Джону это тоже нравится. А говорил – не может. Целый месяц не мог. Вот что значит вдохновение. Правда, Джон это слово не любит. Как бы там ни было, но прямо сейчас, здесь что-то мелькнуло, произошло, родилось. И я, по-моему, была нелишней...

– Вот... в таком стиле можно оформить все четыре шмуца. Теперь обложка... Что у тебя там есть? Деревья, шиповник, собака, дождь... Вот про собак мне особо дорого... и про детство...

Последовало философское отступление на тему о собачьей верности и собачьих глазах, а также о детстве, что сделало для меня Джона почти родным. Как он говорил!

– Точно! – обрадовалась я и стала с интересом следить, что же он припомнит ещё... И он припоминал.

– Можно попробовать подобрать какую-нибудь из моих картин, где есть что-то из этого... А радуги у тебя случайно нет?

– Вот радуги нет, – пожалела я, но тут же спохватилась: – Зато у меня есть луч, фиолетовый...

Джон пропал где-то в глубине не изведанного мной до конца скорей помещения, чем квартиры, и появился со стопкой фотографий своих картин. Не показывая мне все, отбирал некоторые, совсем немногие. Вот прекрасное зелёное дерево среди дождя. Оно мне нравится. Вот сопки в тумане. Шиповник. Но Джон думает о чём-то своем и достаёт другую картину. Потом ещё...

– Вот! – он выкладывает на стол очередную, сильно отличающуюся от предыдущих.

Я смотрю и понимаю: других не будет. Это и есть то единственное, что станет обложкой. Белые берёзы с чёрными штрихпунктирами, с облетевшей листвой. Совсем маленький краснеющий клён сбоку. Едва обозначенное солнце сквозь чёрно-белые ветви... Самое главное, о чём мы сегодня говорили с Джоном, – живёт в картине и не требует доказательств... Чёрно-белая графика шмуцов кажется сошедшей с этих самых берёз, а краснеющий клён может легко стать фиолетовым, если хоть немножко уметь летать... Джон доволен.

Невероятно! Книжка начала дышать, как ребёнок при рождении!

ВНИМАНИЕ!

Продолжается конкурс имени Андрея Платонова

Редакция газеты «Московский железнодорожник» продолжает публикацию конкурсных работ Международного литературного конкурса имени Андрея Платонова «Умное сердце», проводимого газетой совместно с Дорпрофсоюзом и Союзом писателей России. Редакция принимает и рассматривает, не вступая в переписку, рассказы, очерки, стихотворения. Учитывая, что печатные площади «Московского железнодорожника» весьма ограничены, призываем присылать короткие, емкие произведения, в которых, «словам тесно, а мыслям просторно!» Ждем рассказы и очерки объемом не более 10 тысяч печатных знаков вместе с пробелами, подборки стихотворений – 120-130 строк, а также лаконичные сообщения библиографического характера с указанием паспортных данных, номеров ИНН и страхового пенсионного свидетельства. Произведения принимаются в электронном виде (формат «Документ WORD»), присланные либо по электронной почте (E-mail: mrrm-post@mail.ru), либо на адрес редакции на электронных носителях: **107996, Москва, ул. Краснопрудная, д. 20.**

О лауреатах в трех номинациях (проза, поэзия, журналистика) читатели узнают в последнем номере «МЖ» за текущий год, когда будут оглашены итоги нынешнего конкурса, проводимого в 17-й раз.

Во что я верю

Я верю, что жизнь не значит
пуститьсь в приключение
вслед за меняющимися поветриями,
жизнь – залог исполнения
замысла Божьего о каждом из нас:
замысла любви,
что изменяет наше бытие.

Я верю, что величайшая радость человека –
встретить Иисуса Христа.
Бог воплотившийся, в Нём всё:
несчастья, грехи, история, надежда, –
обретает новое измерение
и смысл.

Я верю, что каждый человек может
возродиться к подлинной и достойной жизни
в любой момент своего бытия.
Выполняя до конца
волю Бога, ты можешь
не только стать свободным,
но и победить зло.

Томас Мертон

В ЗАЩИТУ КЕДРА

Ты – удивительное творение природы, сложное, необычайно богатое и еще далеко не познанное человеком. В зеленом океане нашей страны ты замечательное место. Все мы видим в тебе верного друга, бескорыстного помощника, кормильца и поилица. Люди получают от тебя, как из рога изобилия, драгоценные дары, подчас уникальные и неповторимые.

К сожалению, человек, общающийся с тайгой, видит ее как-то односторонне. Взять хотя бы тех, кто добывает древесину. Для них кубометры заслоняют все. Из-за «кубиков» они не видят леса, не чувствуют его многогранной жизни. Сейчас, когда на заготовке древесины работает тяжелая техника, трелевщики, бульдозера, лесозаготовители не задумываются, когда бульдозером волокут связку спиленных деревьев. Под гусеницами тракторов и трелевщиков гибнет молодая поросль. После того, как прошли лесозаготовители, тайгу не узнать. Она вся изрезана дорогами, волоками, залита соляркой и мазутом. На восстановление ей понадобится не один десяток лет.

К сожалению, у лесников нет закона обязать лесозаготовителей по-хозяйски относиться к тайге, не делать лишних дорог и лишних волоков. На нарушителей налагаются солидные штрафы, вырученные деньги должны полностью идти на восстановление леса. Где не в меру ретивые заготовители содрали лианы с опорных деревьев и затоптали их, там не растет уже виноград, лимонник, кишмиш. Не жди и орехов в местах, где огнем опалены кусты лещины, и там где бездумный «верхолаз» из-за нескольких шишек обезглавил величавый кедр

Собирая урожай тайги, всем надо думать о том, чтобы не оскудело ее богатство, надо заботиться о её производстве.

В уссурийской тайге обосновались целых шесть видов орехоносных растений.

Главное место принадлежит нашему кедру. Он хоть и называется кедр корейский, но он наш, приморский. Орешки у него в два раза крупнее, чем у кедра сибирского. Растет у нас маньчжурский орех (брат грецкого), есть два вида лещины, кедровый стланик и, наконец, произрастают диковинные обитатели теплых уссурийских водоемов – водяные орехи. Настоящий ореховый край. Кедр корейский – царь уссурийской тайги, или, как говорят лесоводы, – ее главная порода.

Зеленый великан кедр – это кедровая сосна с семенами-орешками. Но велика ведь сила привычки, никто из дальневосточников не станет называть его кедровой сосной. Кедр – да и все тут.

Внушительные размеры у этого дерева. В тайге встречаются великаны 35–40 и более метров высоты и больше полутора метров в диаметре ствола. Величав и красив кедр. Вот только в населенных пунктах он встречается редко. Ему нужна плодородная, богатая лесным перегноем, хорошо дренированная, непереувлажненная почва. К дыму, пыли и газам кедр очень чувствителен, а часто вовсе не выносит их.

Ценится кедр за чудесную древесину. Главная же ценность кедра – его орех. Он не только важный пищевой источник, но и основа существования всего живого, что неразрывно связано с кедровыми лесами. Нам, людям, нужно задуматься о том, что уничтожить кедровник можно быстро, а вот восстановить его — процесс долгий. Если кедр растет в таежных условиях, первые шишки на нем появляются лишь в 60–100 – летнем возрасте. Если же его вырастить в культурах, на освещенном месте, он отблагодарит орехами уже в 25–30 лет. А плодоносит кедр до глубокой старости – до 400–500 лет. Вот почему всегда, когда видишь кедр, в расцвете сил падающие под натиском пилы ради древесины, невольно приходит сравнение: губится курица, несущая золотые яйца.

Кедр ценен именно как орехонос, как «хлебное» и «масличное» дерево. Тысячами тонн собирают в урожайные годы дальневосточники кедровые орехи, собирают и для себя, и для других районов страны, и на экспорт. Много их расходуется как лакомство в свежем виде. Большая часть идет на приготовление халвы и других кондитерских изделий, в частности, очень вкусного орехового печенья. Детская мука, приготовленная из них, вдвое питательней, чем манная крупа. В ядрах орехов содержится до 65% масла, до 20% белков и более 10% крахмала, а также минеральные вещества. Жмых, остающийся от орехов со скорлупой, – хороший корм для животных, а из чистого ядрового жмыха получают питательное ореховое молоко. По жирности орехи кедра стоят выше, чем подсолнечник, грецкий орех, маслина, лещина и миндаль. Золотисто-янтарное кедровое масло прозрачно, оно не замерзает и не улетучивается, а при хранении без доступа воздуха и све-

та годами не теряет своих качеств. Высокая питательность, нежный аромат и превосходный вкус кедрового масла делают его более ценным, чем прославленное прованское. Его с успехом используют и в технике – при сборке тонкой оптической аппаратуры. Из орехов можно получить «постное молоко» и сливки, более питательные, чем сливки из коровьего молока.

Содержащийся в кедровых орехах витамин В способствует росту человеческого организма и укреплению кожи, а витамин Е – укреплению нервной системы. В народной медицине кедровые орехи издавна считаются полезными против желудочных заболеваний. Из ореховой скорлупы можно получить буровато-дымчатую краску.

У нашего кедра даже сами по себе шишки – красоты непревзойденной. Кедровая шишка – чудесный сувенир, завидный подарок тайги. В одной шишке в среднем около 140 орехов. Да и орехи – самые крупные среди орехов всех отечественных кедровых сосен. В урожайный год на крупных и хорошо развитых кедрах бывает 300-500, а иногда и больше шишек. Обычно же на дереве средних размеров их насчитывают 25-30.

Ориентировочно можно считать, что в год обильного урожая гектар кедрово-широколиственных лесов даст 700-1000 кг орехов.

Жаль, очень жаль, что леса с участием кедра произрастают на Дальнем Востоке на сравнительно небольшой территории и запасы кедра в них очень ограничены. Кедровники составляют немного более 5% площади всех лесов Приморского и Хабаровского краев, Амурской области.

Частенько говорят, что уссурийские кедровники «перестойны» и если их не вырубать, то они, дескать, сами погибнут от старости. А так ли это? Ведь эти леса разновозрастные, и составлены из множества разных пород. Поэтому они – биологически устойчивы: на смену отжившим могиканам непрерывно появляется молодая поросль. Следовательно, кедровники непрерывно обновляются и могут сохраняться неограниченно долгое время.

Исчезни кедр – и не станет у нас легендарного женьшеня, ни полосатого властелина тайги – тигра, ни соболя, ни белки и ни много другого.

Разве можно это допустить?

ПРОВОРНАЯ ВЫДРА

Пришло долгожданное лето. Кругом все благоухает. По всему полю огромными кругами рассыпались яркие саранки. Желто-белые ромашки заняли место на склоне сопки. Рядом с мелким кустарником растут белые лилии. И над всем этим царством цветов и пьянящих ароматов кружит и жужжит несметное количество пчел.

Пришла пора медосбора и заготовки кормов. Люди, подобно пчелам, тоже весь световой день трудятся на полях.

Мы уже две недели заготавливали сено, сенаж в совхозе «Тадуши» (с. Зеркальное Кавалеровского района). Сегодня последний день нашей командировки. Завтра едем домой. Уже приехала наша смена, и мы решили поехать к устью реки Зеркальная и порыбачить.

Приехали засветло, поставили палатку. Евгений Иванович Красильников, как самый опытный рыбак, наловил в речке несколько маленьких рыбешек, и уже варилась уха.

Виктор Трофимович Силин, потомок Силиных-старожилов, решил порыбачить бредешком. От мелиоративных работ осталось несколько глубоких и значительных по длине канав, залитых водой. Вот и решили Силин В.Т. с Жериховым В.И. побродить с бредешком по залитым водой ямам. Каково же было их удивление, когда после первого захода в бредешке оказалось несколько карасей! Откуда здесь могли быть караси? Силин, старожил здешних мест, был очень удивлен. Всю жизнь прожил в этих местах, исходил все побережье от поселка Тернея до Преображенья, но карасей нигде не ловил.

Забрели в канавы еще пару раз – и опять богатый улов карасей. Решили завтра с утра еще побродить с бредешком. Пойманную рыбу оставили недалеко на траве, и все забрались в палатку, где было светло: два шахтных фонаря «Кузбасс» хорошо освещали ее изнутри. Мы долго не спали. Всех не покидала мысль: «Откуда в наших водах караси?» Разные выдвигались версии, но ни одна из них не подтверждалась. Наконец все уснули.

Утром проснулись с восходом солнца. Решили сварить уха, позавтракать и приступить к ловле рыбы. Владимир Жерихов вызвался варить уху. Подошел к месту, где вечером сложили пойманных бредешком карасей, но их там не оказалось. Вначале подумали, что кто-то переложил их в другое место. Но все заявили, что никто их не трогал. Подумали, что, возможно, когда спали, кто-либо случайно из посторонних рыбаков набрел на палатку, увидел, что все спят, и забрал рыбу.

Евгений Красильников взял на плечо удилице с удочкой и направился к речке. До нее было метров 10-15. Вдруг он начал звать нас подойти, и мы поспешили на его зов. Когда подошли, то увидели: десяток рыбьих голов с объединенным мясом и очищенными позвоночниками лежали перед самой водой. Головы были надкушены, а мягкая часть тушки отсутствовала, лишь позвоночник красовался от головы. Кто это сделал? Вот и отведали мы уха! Это выдра потрудились, пока мы спали.

Так и осталось для нас загадкой: откуда в этих водах появились караси?

МАМА, РОДИНА И ЛЮБОВЬ

Лидия СЫЧЕВА,
г. Москва

Почти каждый из нас – вчера ещё деревенских людей – может дополнить эту книгу – «Хроника Погореловки» – своим рассказом. Про родной дом, про маму – дорогую и единственную на свете, про огород, который кормит весь год, про мокрые телячьи носы и пыльное овечье руно, про сладость яблока из своего сада и про то, как это здорово – жить на своей земле, делить с ближними горе и радость, и здесь же, когда настанет час, тихо и бесстрашно уйти в вечность.

И вот Нина Стручкова написала эту книгу – трагически-воспоминательную, народную историю нашего бытия. Читается она с болью, приязнью и благодарностью. Да, наверное, подобную хронику мог бы создать почти каждый из нас (хотя бы в своём воображении!), но сделала эту работу она, Нина Стручкова, крестьянская дочь из тамбовской деревни Погореловка.

В книге нет ничего личного, хотя автор пишет про родную деревню и земляков, посвящает повествование своей матери, русской крестьянке XX века Анне Николаевне, и рассказывает о промежуточных итогах собственной жизни. Эти печальные выводы известны всем нам, вчера ещё деревенским людям: мы почти наверняка знаем, что дома мы были бы счастливей. Да, конечно, наша жизнь сложилась бы тяжелей, мы бы меньше чего повидали на белом свете, но зато сердце наше было бы на месте, не рвалось на части («а как там мама?»), а душа не металась бы отчаянно по миру в поисках покоя и уюта. Всё это – правда. Как, впрочем, и то, что, несмотря на учёбу в Литинституте, долгую столичную жизнь и звание поэта, автор «Хроники Погореловки» так и осталась крестьянской дочерью. (Вот и Есенин, уже всемирно известный, говорил с гордостью: «У меня отец – крестьянин, / Ну а я – крестьянский сын».) Просто деревня «командировала» Нину Стручкову в город с вполне конкретным наказом: родным материнским языком, без пустой болтовни рассказать вчерашним сельским жителям о том, как живёт их прародина, как ждёт их внимания, любви и участия!.. Может быть, Нина Стручкова даже слишком конкретно восприняла этот наказ, работая редактором в самом что ни есть близком трудовому народу журнале – «Сельская новь». И всё равно мучалась, что вот, понимаете ли, деревню свою бросила!..

Но мы, специально для её читателей-земляков, скажем: во-первых, ничего она не бросила, потому что написала несколько талантливых книг о Погореловке, в том числе и эту, а во-вторых, никому не верьте, будто жизнь в городе – сахар, особенно для творческого человека, поэта. Да, бычка откормить – дело не-

лёгкое, особенно если делать это без жульничества, без примеси «химии». Но и книжку написать – настоящую! – не подмешивая опасные «премиксы», тоже труда немало надо. Потому что подлинное слово рождается из большого переживания и часто – из большого горя. И потому, читая «Хронику Погореловки», мне, например, трудно было сдержать слёзы. Так ведь и автор не раз слезами умылся – и не над вымыслом (в книге его нет), а над жизнью. Можно ли без волнения читать главу «Четыре встречи с отцом» – о том, как осиротела и обезмужичела наша деревня после Великой Отечественной войны?! А «Историю нашей болезни» – об очередном разорении села уже в новейшую эпоху, о жалких деревенских больницах, где лежат «они, дорогие, драгоценные, слава и гордость России, многотерпеливые наши матери»?! Нет, это надо каменное сердце иметь, чтобы творить с нашей деревней то, что началось с 1991 года и продолжается – положила руку на сердце – по сей день. И потому «...Мужики ругают власть и, матерясь по-страшному, мечтают: «Повесить бы их всех!»

Нина Стручкова не ударяется в «политику», никому не раздаёт оценок, а просто показывает – какой была Погореловка, и какой – стала. Полуубитой, в общем-то, деревней. Со слабой надеждой на «Израиль» – новенький посёлок для переселенцев. А в коренной русской деревне – нужда беспросветная: «Мужики каждое утро приходят к конторе в надежде хоть на какую-никакую работу. Бабы встают в четыре утра и спешат в потемках к совхозному коровнику. Работают «за стаж», в доверчивой надежде дожить до пенсии. Ведь зарплату не выдают уже несколько лет». И это – опора России, кормильцы наши?! Как тут не вспомнить Некрасова: «Кушай тюрю, Яша, молочка-то нет. / – Где ж коровка наша? – Увели, мой свет. / – Где же наши куры? – Девочки орут. / – Не орите, дуры! Съел их земский суд». Мать Нины Стручковой, поднимавшая в одиночку двух девчонок, читала эти народные стихи своим детям, а я помню сказ про тюрю от своей мамы. Не жировала наша деревня, если такие стихи в ходу были.

Но сейчас, похоже, нечего сельчанам ждать народного заступника из верхов, каким был барин Некрасов. На себя нужно надеяться, на свои силы и на своих поэтов. Один из них – Нина Стручкова, которую, право, ни с кем не хочется сравнивать. Она одна такая – из Погореловки. Потому что у каждой деревни на Руси – свой характер. Заявляю это ответственно, потому что сама из села Скрипниково, что в Воронежской области. И деревенское наше многоцветье было

подлинным богатством страны, великой её тайной, источником нашей богатырской силы не на годы – на столетия. Разве один из персонажей главы «Погореловка в лицах», дядя Володя, не настоящий герой нашего времени, а судьба его, так просто рассказанная автором, не заслуживает восхищения?! Прошел всю войну наводчиком артиллерийского орудия, вернулся домой, вместо трофеев привез награды и благодарности, в том числе от Сталина, Жукова и Рокоссовского, вырастил и воспитал пятеро детей. И вся его жизнь – в тяжелом труде, ратном и деревенском, но сохранил дядя Володя и душевную щедрость, и даже романтизм – ещё на фронте он писал стихи. А что сейчас? «На последнем издыхании всё, что объединяло семьи, улицы, деревни. Иду по Погореловке с фотоаппаратом, меня ругают: «Зачем пленку тратишь?» Говорю: «Хочу на память запечатлеть ваши лица». А мне отвечают: «Да какие теперь лица? Вот раньше были лица!» И называют по имени-отчеству давно ушедших стариков...»

И всё-таки нужно – если Бог дал талант – запечатлеть эти лица, характеры, эту жизнь – уходящую, но всё-таки не сдающуюся, пытающуюся «барахтаться», сопротивляться. И потому эта скромная по объему книга, написанная предельно просто, «без выкрутасов», больше, чем литература; в ней есть что-то от незыблемых первооснов жизни, о которых сказано честно, без прикрас и сентиментальности. «Хроника Погореловки» – очень мужественная книга. Чтобы так написать, надо было жизнь пройти трудную и честную. Книгой этой надо автору гордиться, как заслуженно гордится крестьянин хорошим урожаем в плохой год. Труд может многое победить – например, заморозки или засуху. Вот и Нина Стручкова вопреки «литературной непогоде» написала то, о чём можно сказать: «Эта книга – настоящее, спасительное, молитвенное искусство. Эта книга – не погоня за модой, а поход за истиной. Эта книга – нравственное, здоровое, устойчивое слово, в котором нет лжи, а есть спокойствие и боль человека, живущего на своей земле». Честно говоря, в «Хронике Погореловки» читается даже что-то эпическое – без громких слов, очень экономными средствами здесь нарисован русский космос, русский характер, русская жизнь на протяжении нескольких поколений, и всё это венчается стихами – горькой песней тревожного сердца. «Родительский дом и ограда, / И пение звезд по ночам... / Я знаю, родня будет рада / Моим сладковатым речам». Деревенский человек, как правило, скромнен – не любит бахвалиться, вот и Нина Стручкова, как мне кажется, относится к своему дару с излишним недоверием. А жаль! Со стороны иногда бывает виднее, и мы скажем прямо: не подвела Нина Николаевна свою маму и родную Погореловку, она – не просто мастер слова, мастер своего редакторского дела, она – настоящий поэт! Гармоничный, цельный, требовательный к себе и – по-настоящему красивый!.. Не все ведь уезжают из деревни за длинным рублём и лёгкой жизнью, многие оставляют родной дом в поисках красоты – волшебной Жар-птицы, без которой жизнь кажется пресной и ненастоящей. Легко на этом пути увлечься ложной дорогой, но, если путь поэта верный – он всегда приведет его к родному дому. (Вон Есенин даже на рай родину не променял: «Если крикнет рать святая: / «Кинь ты Русь, живи в раю!» / Я скажу: «Не надо рая, / Дайте родину мою».) И Нина Стручкова тоже родину свою никому не отдала. Ни в слове, ни в жизни. Ни в радости, ни в горе.

Да, впрочем, сколько можно говорить о книге, если её давно уже пора читать!.. Читай, читатель! Тебя ждут высокие минуты, а их не так много в нашей жизни. Читай и, пожалуйста, люби нашу землю, нашу Россию. Она у нас одна – как жизнь, другой – не будет.

ОФИЦИАЛЬНО

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.
 2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке (в крайнем случае – пишутся печатными буквами) с двойным интервалом. На обороте листа **НЕ** писать и **НЕ** печатать.
 3. **КАЖДЫЙ** лист должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (**ПОЛНОСТЬЮ**) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
 4. Фотографии принимаются **ТОЛЬКО КОНТРАСТНЫЕ**, высокого качества.
 5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (электронный адрес указан в выходных данных). **Файлы принимаются в формате WORD.**
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора **Владимира Александровича КОСТЫЛЕВА.**
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **НЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ принципиально и в работу НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.**

ВЗМЕТНУТЬСЯ ВВЫСЬ

Галина СТОЯНЦЕВА,
г. Иваново

Родилась и провела детство в деревне Стоянцево Ивановской области, чье название стало моим литературным псевдонимом. В настоящее время живу в г. Иваново. По образованию – химик, к. т. н. Автор четырех поэтических сборников и двух книг, где являюсь литературным редактором. Член Ивановского отделения Союза писателей России.

Сигнал

Когда шахтеры молча шли в забой,
Где в лаве огонек мелькает редкий,
Залогом жизни –
канарейку в клетке,
В Аидов мрак несли они с собой.

Там птица им спасением была:
Где воздух – яд, она дышать
не может,
Она забьется, закричит и сложит
В последней муке хрупкие крыла.

Сигнал – бежать!
Бежать на свежий воздух!
Оставить эту каменную твердь!
Незримая здесь притаилась
смерть.
Быстрее, быстрее! –
иначе будет поздно!

Поэзия! Ты первой умерла
В моей стране.
Отпела, отзвучала...
Здесь воздуха так долго
не хватало.
Здесь души были выжжены дотла.

Планета осень
Багряным отблеском
лети ко мне, лети!
Всегда тебя ждала,
чтоб снова обрести –
Нет, не покой –
хотя бы равновесье
С моею незадачливой судьбой,
И счастлива была одной тобой:
И яркою листвой, и чернолесьем,
И строгой четкостью
нагих ветвей,
Как письмена на душе моей.
Твой первый снег, как пряди седины,
И сны твои – пророческие сны...

Возьми меня в далекий путь
с собой,
Планета Осень,
чуткая к страданью!
Здесь шум листвы,
как времени прибой,

И красота таится в увяданье,
Здесь никому богатства не нужны –
Бредешь спокойно,
золотом шурша,
И на себя глядишь со стороны.
Смирению здесь учится душа...

Дорога

Время разбрасывать камни
и время собирать камни.
Екклесиаст

Как долго я разбрасывала камни!
Но чувств и мыслей
горестная рать
Тревожно предвещает,
что пора мне
Разбросанные камни – собирать...

Что ж, не сложу ни замка,
ни дворца я,
Не встать им величаво над горой,
Не будет в окнах свет гореть,
мерцая
Для путников вечернею порой.

Нет, я прошу чуть-чуть,
совсем немного,
К земле склоняясь в зное и пыли:
Мне вымостить бы узкую дорогу,
Чтобы однажды –
вы по ней прошли...

* * *

Осенний воздух небывало чист,
В прозрачной синеве
листва кружится,
И медленно кленовый
желтый лист
Не на асфальт –
на душу мне ложится.

Отпело лето, сказкой отошло...
Но, осень, живописец мой великий,
Люблю твоё прохладное тепло,
Твою улыбку на печальном лице.

Струющаяся легкая листва
Притягивает взгляд мой,
будто пламя.
Здесь не нужны высокие слова,
Но я хочу, чтоб так же было
с нами:

Слететь кленовым
стрельчатый листом,
Когда судьба доподлинно
свершится,
Взметнуться ввысь
в сиянье золотом,
Упасть и навсегда с землею
слиться...

Один день...

Александр Солженицыну
Хрущёвка! Немыслимая удача!
Обои веселой синей цветастости
И неприметные тихие радости:
Колбаски купить, поехать на дачу,
Водочки выпить,
что ж тут такого,
В мире не надо счастья иного...
Мы соберемся
с друзьями-товарищами,
Что было когда-то,
гадать не станем,
Зеленой травой
по-над пожарищами
Пусть наше прошлое зарастает.
Водочки выпить,
что ж тут такого,
В мире не надо счастья иного...

Но вот приоткрылись
двери барака,
И сквозняком тюремным повеяло,
И вся Россия ему – поверила,
Увидев воочию из полумрака
Нары и печь, отсыревшие стены –
Голая правда, без всякой подмены...

Многих тяжелых томов
полновесней
Высшая память о человеке:
Это останется –
единственной песней –
В мире навеки...

По белой дороге...

Вера КАРАМАН,
г. Владивосток

* * *

Я ничего не свете не умею,
Когда осенний частый дождь –
в окно
И ветер гонит листья по аллее,
И утром, словно в сумерки, темно.

И в самом центре стаи голубиной,
Бросая лист на чёрную тропу,
Стоит и мокнет тонкая рябина,
Вершит мою осеннюю строфу.

Я ничего на свете не умею,
Когда осенний дождь стучит
в окно.
Но – видеть дождь и листья –
по аллее,
Но слышать дождь.
И ветер заодно.

И ждать, пока снега на землю
лягут,
И в клочья рвать
тетрадные листы,
И упиваться светом
поздних ягод...
Ослепнуть можно
после темноты.

* * *

Потускнели костюмы Шекспира,
Унеслись золотые года,
Над подмостками старого мира
Слюдяная мерцает звезда.

Под ногами стекляшки, железки
И накладки из мёртвых волос,
Щит картонный
с гербом королевским
И гирлянды искусственных роз.

И любовь, и печаль, и измена –
Понарошку – о чём горевать?
Отомстить – отомщу
неприменно,
А потом позабуду, как звать...

А потом, затерявшись в партере.
Боже правый, как зритель уже...

Тень мелькнёт
на вишнёвой портъере,
Пианист своё явит туше,

И возникнут знакомые лица.
Принц накинёт свой плащ,
и тогда...
Льётся, пенится, льётся,
струится
Декораций живая вода...

Наваждение

Субботный,
зарёю подкрашенный вечер,
Гость ненавязчивый к нам.
Я шалью ажурной украсила плечи,
Я молча гляжу из окна.
А волны, как думы, лицо океана
Морщинами бороздят,
А горы, высокие, как великаны,
В барашковых шапках стоят.
И запахом сладкой хурмы
и морошки
От влажного веет окна,
И тихо вдали напевает гармошка,
И тихо ей вторит зурна...

* * *

По белой дороге,
По белой дороге,
по белой...
Господь нас храни!

По чёрной дороге,
По чёрной дороге,
До крови стирая ступни...

По правую руку,
По левую руку,
Куда бы судьба ни вела,

Сквозь память и время,
Сквозь боль и разлуку
Мелькают, как сны,
Купола.

Высокие гимны
Вдали прозвучали...
Лови отголоски, лови!

О сладкое бремя
Высокой печали,
О бремя
высокой любви!

Легка моя ноша!
Хоть дождь, хоть пороша,
С такой – не устану идти...

Со мной мой хороший,
Да ломаный грошник,
Да песня о вечном пути...

По белой дороге,
По чёрной дороге...

* * *

Жгли ведьму на костре,
а что же оставалось?
Она была умна и хороша собой.
То было на заре,
звезда в ручье плескалась,
И птицы пели песни
то в лад, то вразнобой.

Дул крепкий ветерок,
поленья разгорались.
И сизый дым обвёл
её прекрасный лик.
Как обнимал огонь!
Лобзал как – всем на зависть!
И юный чёрный кот
к её стопам приник...

От жара до небес
густые никли травы,
Мутнели воды рек,
и меркли города,
И падал на бегу и правый
и неправый
Без всякого «прости»,
но раз и навсегда.

Горячая война, везде «передовая»,
Всё косится косою,
всё схвачено огнём,
Но сквозь туман в глазах
всё ярче проступает
Высокий холм и столб
с распятием на нём.

Читаю между строк...

Софья ИОСИЛЕВИЧ,
г. Москва

* * *

Мой ближний круг,
те, за кого в ответе,
Кто заставляет жить,
и часто – вопреки...
И мы счастливей всех,
когда в порядке дети,
Здоровы наши дети
и старики...

Не тяготят заботы те и эти,
И все шаги легки,
и все дела «с руки».
Мы безоружны лишь тогда
на этом свете,
Когда болеют наши дети
и старики...

Весенний ветер
постучал в окно
Весенний ветер постучал в окно,
Но где напевы ласковых свирелей?
Все за окном и серо, и темно.
Весна?... Под завывание метелей?
Когда апрель вступил
в свои права?!
Но в это что-то вернется едва...
Холодный ветер в нынешнем
апреле.

Глаз полнолунный не дает уснуть,
Взирая сверху грустно и тревожно.
Я друга провожаю в дальний путь,
Туда, где мы увидимся, возможно,
Потом, когда-нибудь...
Машу рукой
Вослед ему, в далекий тот покой,
Который и представить
очень сложно,

Где возгорится новая звезда
Его любви,
ко мне вернувшись светом.
Безрадостное слово «никогда»
Я постигаю. Собственно, об этом
Мне снова преподносит
жизнь урок
Намеком, не означив точный срок.
Но кто из нас всегда готов
с ответом?..

Пока еще жужжит веретено
Судьбы моей и вьется нить тугая,
Где счастье с болью
так сопряжено,
Что давит грудь,
дыханье прерывая,
Еще стою... не то чтоб на краю,
Но кажется порой,
что на пределе...
Ни ветра, что врывается в окно,
Ни холодов я не страшусь в апреле.

Нет времени
писать черновики

Нет времени
писать черновики,
Оно так плотно,
что смогу, наверно,
Его, ножом разрезав на куски,
Дарить тому,
кому сегодня скверно

И не хватает нескольких минут
Сказать два слова,
попросить прощенья,
Успеть вернуться в дом,
где очень ждут,
Поздравить дочь-подростка
с днем рожденья...

Нет времени
обиде потакать,
И зло, и зависть
в сердце тайно множить.
А где-то, между скал, течет река,
Смывая боль
с твоей усталой кожи.

Сегодня я читаю между строк,
Недаром так искала книгу эту...
И нахожу любви твоей росток,
Ведь знаю только я одна приметку.

Нет времени
о прошлом горевать.
Никто былое не переиначит.
Но – горечь слов,
и на холстах печать...
О, как я знаю, что все это значит.

И может быть,
пока еще не поздно,
Приеду в край,
не ставший мне судьбой,
Где над Мадриной
небо в полночь звездно,
Не видевшее рядом нас с тобой.

Я эту землю сыну подарила.
Весь твой талант
и вся любовь моя
Сроднятся в нем.
Такая будет сила –
Вести его сквозь тяжесть бытия.

Кто там решает,
глядя сверху вниз,
И роли нам расписывает строго,
Чтоб каждый в пьесе
под названьем – жизнь
Успел пройти одной,
своей дорогой.

Гроза

Чуть громыхнув,
наверно, для остротки,
И яркой вспышкой ослепив глаза,
Обрушилась на мир,
смывая краски,
Роскошная июньская гроза.

Прибила пух, презрев дела людские,
Прохожих провоцируя на бег,
Дороги превратила городские
Воды потоком в русла новых рек.

Так принялась за дело...
что есть силы:
Рукой хозяйской пыль вокруг смела
И зелень на деревьях освежила,
Отмыть успела храма купола

До золотого праздничного
цвета...
Но, подустав и выдохнувшись...
вдруг
Вернула нам все краски,
радость лета,
И неба цвет, и солнца жаркий круг.

Моя малая Родина

Нина ИСАКОВА,
г. Уссурийск

Моя малая родина

Моя малая родина –
Сопок вечный покой,
По оврагам смородиной
Пахнет август хмельной.
Что-то путнику Божьему
От зари до зари
У тропинок нахоженных
Шепчут вслед ковыли.

Моя малая родина –
По лесам птичья звень,
Есть примета особая
У твоих деревень.
Там в пруды за околицей
Смотрят ивы, грустя.
Там с крестьянским
достоинством
Хлеб подносят гостям.

Моя малая родина –
Знойный ветер полей,
Помнит славные подвиги
Павших здесь сыновей.
Солнце светит без усталости
Сёлам и городам.
Я тебя, земля русская,
Никому не отдам.

Слободка Уссурийская

Слободские улочки –
садики вишнёвые,
Огородов латочки в зелени ботвы,
Курочки-пеструшечки,
петухи бедовые –
Здесь для жизни праведной
правила просты.

Только звёзды ранние
в травы придорожные
С небосвода алого скатятся росой,
Слободой возвращённые
женщины пригожие
По хозяйству заняты –
не для них покой.
Им скотину надобно
накормить со щедростью
И, склоняясь к бороздам,
выполоть осот.

Только поздним вечером
с кроткою неспешностью
Отдохнут за ужином
от дневных забот.

А кормильцы местные
все с «железкой» связаны –
Истари досталась им
эта ипостась,
Но дороге многие
жизнью всей обязаны –
В лихолетье с голоду
не дала пропасть.

Обжилась слободушка,
обновились домики,
Вишней да смородиной
полон каждый двор,
Разноцветным маревом
пышут подоконники,
А за огородами ковылей простор.

Ночь спустилась – звёздочек
по небу насеяла,
И Морфей торопится
сном дворы объять,
Бродит в палисадниках
вишня переспелая,
Слободу окутала
Божья благодать.

Качели
Догорает вечер в пламени заката.
Неподвижны тени
в заросли кустов.
Этот час покоя –
для души отрада,
Что ушло – воскреснет,
как мечты из снов.

Выйду в сад тихонько,
на качели сяду,
Оттолкнувшись ногами,
взмою высоко.
И вернётся детство,
примостится рядом,
И обнимет плечи мамино тепло.
Нарисует память
в облаке тумана
Дом, такой желанный!
Был в нём мир да лад.

На цветной скатёрке –
молоко в стакане
И коржей румяных
сладкий аромат.

Застучит сердечко,
защепит о прошлом...
Только всё напрасно –
дважды в нём не быть!
И несут качели
прямо в полог звёздный,
И воспоминаний
обрывают нить...

* * *

«Вера без дел мертва»
Из послания Св. Ап. Иакова.

Нырнуло солнце в облака.
Сквозит. Разгул ветров осенний.
Жизнь – суетливая река,
Бунтуя, катит по Вселенной.

Мир занемог, трещит по швам
И, как подранок, хрипло дышит,
А мы, взывая к небесам,
Всё ждём себе спасенья свыше.

Медвежи шкуры облаков
Громоздко движутся с востока,
Храня безмолвие веков
И тяжкое молчанье Бога.

«Услышь нас, Отче! Грех неся,
Погрязли мы в дыму печали».
...Лишь слёзы каплями дождя
С лица небес в траву упали.

Автор рисунка неизвестен

И вволю насладиться ТИШИНОЮ...

Вера ГУНДАРЕВА,
г. Артем

* * *

Хорошо быть мужчиной могучим,
Богатырское дело вершить.
Не люблю свою женскую
сущность –
Слабость рук,
беззащитность души.

Ну, конечно, была бы причина –
Дом построю и горы сверну.
Ах, как жалко, что я не мужчина,
Что руками подковы не гну,

Что собой не умею гордиться,
Непомерную ношу несу
И мечусь беспризорною птицей
В заповедном дремучем лесу.

Я жила бы другою заботой
И другую дорогу нашла.
Что с того, что вчера для кого-то
Королевой всеильной была!

Поощряла и подвиг, и шалость,
Помогала в серьезных делах.
Но мое королевство распалось,
И корона рассыпалась в прах.

Сжался мир до размеров арены,
Маловат для разбега метраж.
Сомневаюсь в вещах несомненных,
Потеряла азарт и кураж.

И в решенье вопросов насущных
Не рублю я сплеча по-мужски.
Не люблю свою женскую сущность –
Слабость рук,
неуклюжесть строки.

Так хотелось с мужчиной
на равных
Встать в одном нерушимом
строю!

Все мои незажившие раны
Заработаны в честном бою.

И опять собираюсь в дорогу,
И опять – холодок по спине...
Хорошо быть мужчиной, ей-богу!
Кто из них позавидует мне?

* * *

Давненько из книги,
какой – Бог весть,
Запомнились мне слова:
Жизнь такова, какова она есть,
И больше никакова.

Захочешь сыграть в поддавки
с судьбой
И ей не вернуть кредит –
Жизнь такова, ей не стать другой,
Она тебя победит.

Кругами на цыпочках ходит лесть,
Медовые льет слова.
Жизнь такова, какова она есть,
И больше никакова.

Так трудно выигрывать
первый бой,
Последний еще трудней.
Жизнь такова, ей не стать другой,
Придется мириться с ней.

А время заложит крутой вираж,
И все начинай с нуля.
Жизнь такова, ей взятку не дашь
Ни в долларах, ни в рублях.

Храни же надежду, любовь и честь,
И будешь всегда права.
Жизнь такова, какова она есть,
И больше никакова.

* * *

Февраль звенел капелью до утра,
Но март пришел –
снегами ошарашил.
Так путается время
в жизни нашей,
И завтра прорастает во вчера.

Случается, давно забытый день
Вдруг станет завершающим
аккордом,
А все твои грядущие рекорды
Давно побиты.
Знать бы, кем и где.

Я есть – сейчас. Да было ли вчера?
Но в хрониках,
к которым вхож не каждый,
Хранится все,
что было лишь однажды –
И нам давно об этом знать пора.

Ночные размышления
Уйти в себя,
тихонько дверь прикрыв,
Чтобы никто не просочился
следом,

Побыть одной вдали от суеты
И вволю насладиться тишиною –
И заскучать жестоко, разозлиться,
И выйти из себя,
и хлопнуть дверью,
Чтоб отскочила та от косяка,
И на веранде стекла разлетелись,
И к конуре шарахнулась собака!
Чтоб повод был вернуться –
ну хотя бы
Поправить дверь
и окна застеклить.

* * *

Жизни не бывает слишком много.
Нам ее авансом выдают,
На коленях вымолив у Бога
Для души измученной приют.

И живем – то бьемся лбом о стену,
То ползем, суставами скрипя,
Познавая этой жизни цену,
Создавая самого себя.

Молимся святым
пречистым лицам,
Верим – наши судьбы в их руках.
Кто болезнь душевную накликать,
Проклят будь на вечные века!

Проклят... Но то этого не легче,
И добрей не станет мир большой
К тем, кто был навечно искалечен,
Болен телом или же душой,

Кто живет неярко и убого,
Силу духа вычерпав до дна...
Жизни не бывает слишком много.
Слишком рано кончится она.

Дремлет звонница на склоне...

Светлана ШКЛЯЕВА,
г. Владивосток

Рисунки автора.

* * *

*Был август. На Великий Спас
От яблок яблони клонились.
Явилась миру я как раз,
Когда колокола звонили.
И о моём рожденье весть
На всю родимую округу
Пропел весёлый благовест
На зависть недругу и другу.*

* * *

*Дремлет звонница на склоне,
Деревенька видит сны.
Пьют разнузданные кони
Отражение луны.
И над речкой тихоструйной
Перезвоном хрусталей
Льётся звук капли лунной
С бархатистых губ коней.*

* * *

*В России дороги,
Как рваные раны.
Вещали тревоги
Набатами храмы,
От края до края
На бранное поле
Народ созывая
За веру и волю.*

* * *

*Неощутим и невесом
Мне снился дивный белый сон.
Устав от снежной кутерьмы,
Метелица – дитя зимы
Вокруг порядок навела,
Кусты цветами убрала,
А из рассыпанных снегов
Поналепила голубков.
И это был чудесный сон,
Неощутим и невесом.*

Жизнь — как литургия

Василий ПОНОМАРЕНКО,
г. Ярославль

* * *

Деревенька Шельшедом
Над лесною речечкой —
Захожу в тесовый дом
С тёплой печечкой.
Где-то городской содом,
Выхлопы бензинные...
Здесь дремотны за прудом
Заросли бузинные.

Что за имя Шельшедом —
Шёпотно-несмелое?!
То ли этак «сельский дом»
Бабка прошепелила?
Шельшедом так Шельшедом!
В Московской губернии
Целый город есть Талдом —
Родственник, наверное...

Пусть в Талдоме, Шельшедоме
Жизнь течёт, как в милом доме!

На такое, хоть с трудом,
Летом тянет Шельшедом,
А в осеннее ненастье
Прокисает жизни счастье...
В зиму снегом, стужей, льдом
Крепко скован Шельшедом!
Впору только на гнедом,
Запряжённом в санки,
Закатиться в Шельшедом
К Рождественской гулянке.

На излуцине

«Плачет где-то иволга...»
С. Есенин

Я иду по Твердино —
Твёрдо я иду...
Как твердыни Вердена,
Дачи на виду!

В каждой даче — дуче,
В каждой даче — князь.
Над речною кручей
Встану, изумясь.

В рост идут хоромы,
Лук и огурцы, —
Видно, в каждом доме
Люди-удальцы.

Это их удача
И не твой уют —
Не клян, не плачу...
Честно пусть живут!

Выйду на платформу,
Подожду вагон:
Сквозь лес люминофорно
Мне светит перегон.

Дай Бог всем благие
Цели и дела!
Жизнь — как литургия:
Печальна и светла...

* * *

Кукушатые ребята
Навострёны завсегда
Своего же птиц-собрата,
Чья понравилась им хата,
Лапой выгрести из гнезда —

Так случилось всё в России
В большевицкие года!

* * *

Ну что за люди?
Убивают!
Да есть ли сердце в них, душа?!
Или графитными бывают —
Как стержень у карандаша...

Июнь — 1941

С двадцать второго
день пошёл на убыль...
Та убыль перешла для нас
в разгром.
Кому-то где-то получилась
прибыль...
Да вышла вся она ему ребром!

Колоброды

В Киеве бандеровцы нахальны
и ершисты...
Против них активно
встали коммунисты...
То есть вновь схлестнулись
две волны фашизма:
Интернац- и нац-идиотизма!

Сошлось в Хабаровске
всё клином

Достойно внимания
стихотворение В. Пономаренко...
Геннадий Богданов, 2009 г.
(В.П.: голос из Хабаровска).

Со стихами... А. Кабанова... произошла
встреча... я сидел на кухне и пил чай.
Геннадий Богданов, январь 2010 г.
(В.П.: голос оттуда же).

Работа над стихами у вас идёт хорошо.
Степан Смоляков, 15.11. 1961 г.
(В.П.: письмо из Хабаровска
мне в Уссурийск).

Я ел пюре с горбушей
слабосольной —
Душой витал в лиричности
раздольной...
И в море зыбком,
и на твёрдой суше
Приятны мне филейности
горбуши!

Я не пловец или ныряльщик,
Но, словно спец,
взойду на тральщик —
Там изодрюсь и так и сяк,
Чтоб в сеть-мотню
взять рыб косяк...

О край креветок!
В отмелях залива
Чилимов черпал я себе для пива.
В Хабаровске за столиком
толковым

Бокалил
со Степаном Смоляковым...
Ну иногда склонялись мы и к чаю,
По чаю всё же нынче не скучаю:
Ведь сахар в нём...

А мне б на зуб сольцу,
Которой пиво завсегда к лицу...
Вот потому за милу душу —
С утра пюре, а с ним горбушу!
Чилимов я ловил под Сахалином,
А всё в Хабаровске сошлось
печатным клином.

Остров

Юрий КАБАНКОВ,
г. Владивосток

* * *

Петухи и баркасы
расправили крылья
из льна и перьев.

На берегу, у воды,
поют матросы.

Хokusай нарисовал
этот голос бамбука.

* * *

И опять –
жизнь шелестит
пустым пергаментом,
свивая очередную улитку;
сливая улыбку ребёнка
в сосуды с зерном,
словно в осыпающиеся колодцы.

Спи, спи, дитя!
Это не колосья –
это бумажный змей
сел на вершину тополя.

УССУРИ. ГРАНИЦА

В который раз они творили
тысячеструнный иероглиф,
вплетая в плоские корзины
кусочки разноцветной ленты.

Опившись пеной, плыли джонки,
покачивали веерами,
похожие на Ли Цин-чжао,
но только чуточку тревожней.

Был мир из глины и бамбука
скреплён польною слюною,
а ласточки луну манили
в долину пагод, вгневших в землю.

Давно переживя живущих,
они однажды не вернулись –
когда спиральная сирена,
зайдясь, упала на циновку.

А утром раскалённый ветер
прошелся по вершинам сопок –
как пулемётного прицела
обритый наголо зрачок.

* * *

Ветер в оконце трепетно бьёт.
Мёрзлое солнце тихо встаёт.

Выйдешь ты скоро вешать бельё –
ветер раздует платье твоё.

В мёрзлом окошке – лёд поутру.
Зябко немножко – ты на ветру.

Слышно, как в кузне полозья куют.
А провода на морозе – поют.

* * *

...Морщины коры
отслаивают ледяную скорлупу,
луцат себя отощавшим
зайчатам.

Засохнет яблонька по весне,
засохнет!
Да и то –
не век вековать:
ни плода, ни лыка, ни жалобы –
стылая тоска в белых жилах.
Яблонька, яблонька...

ОСТРОВ

Направо – Восток.
Налево – Восток.
Дожди разминулись
над Южной Кореей.
И можно бы вымпелы
вздёрнуть на реях –
но дремлет куда
мой Владивосток!

Три четверти века
плескалась вода...
Глухой горизонт осторожно
раздвинем –
погибельный остров
на собственной глине
сидит и, прищурившись,
смотрит сюда.

Рыбацкие шхуны, как выстрел,
легки.

Цветением сливы залит
и обласкан
свинцовой Цусимы
потасканный лацкан,
застёгнутый туго,
на все поплавки.

* * *

Я рисовал бы по-рысьи раскосо,
я рассказал бы, как пахнут покосы,
как в шалаше
на кленовой подстилке
чуют блаженную тяжесть
в затылке...

Я рассказал бы...
Но у меня
не было розового коня.

Был – мотылёк,
да теперь далёк...

* * *

Разъезжались материки.
Ключ вскипал в глубине реки.
И, печальна и глубока,
кровью наполнилась та река.

Плыли рыбы – крыло в крыло –
лягушачью икру метать,
а брезентовое тепло
научило тварей летать.

Если б знали наверняка,
где живая течет вода, –
бычья завязь березняка
с рёвом ринулась бы туда,

ворвалась бы в пустой залив
и увидела б, как луна,
всю округу собой залив,
воду за руку увела.

...Горизонты сползли к виску.
Дотлевают луны лоскут.
По базальтовому песку
воды огненные текут.

Через тернии – к звёздам

Из выступления на ежегодном собрании выпускников Курского* Дальневосточного Уссурийского суворовского училища 13 декабря 2009 г., ЦДРА, г. Москва/

Николай ЧАЙКА,
Подмосковье

Приступая к работе над этой статьёй, я изрядно поломал голову: как озаглавить её? И вот счастливое решение найдено. Ведь этот космический, всем известный девиз есть не что иное, как блестящая, глубокая метафора судеб военных людей, офицеров и в наибольшей степени – кадетов, суворовцев, отдавших всю свою жизнь служению Родине, служению Отчизне, служению своему народу, защите Отечества.

Для военных людей, офицеров и прапорщиков, звезда – это реальный знак отличия, веха судьбы, государственное признание боевых и трудовых заслуг. За каждой из звёзд на погонах – пот и кровь: солёный пот учений и кровь, пролитая на полях сражений, в горах Афганистана и Чечни, в Таджикистане и в Северной Осетии, в азиатских песках и в африканских джунглях.

Защитники Отечества, русские офицеры, – это прежде всего первопроходцы космоса человеческих судеб. Двигаясь по крутой орбите выбранного в детстве непростого пути, они с лихвой вкусили горечи невзгод и лишений, чёрного солдатского хлеба с глотком тёплой от порой обезумевшего, безжалостного солнца воды из помятой фляги (а каково попластунски, с полной выкладкой, через горный перевал, под шквальным огнём противника?!).

Они с лихвой вкусили горечи утрат своих боевых товарищей, родных и близких людей. И, находясь в апогее своей судьбы, порой на её излёте – такова жизнь в её извечном, прекрасном и страшном круговороте обновления, – **они, ветераны, продолжают светить всем нам, их соотечественникам, ярким светом путеводных звёзд, зовущих к Преодолению, к Свершениям, к Подвигу, к Победе.**

(Есть, конечно, слепцы, которым не дано увидеть этот Свет, но лично мне жаль их конкретно – каиново отродье, ослеплённое в основном современным телевидением и его закулисной властью предержавшими опричниками-идеологами, режиссёрами распада и разложения... Но о них не будем, это отдельная тема, а сегодня – только о добром.)

Передо мною два увесистых тома – «Вестник дальневосточных кадет» № 1 (2005) и № 2 (2007). Воистину – два дембельских альбома курских уссурийских

суворовцев всех поколений! И я предаю анафеме всякого, кто измыслит в этой формулировке, в этой метафоре нечто негативное: настоящий солдат поймёт, что *это и есть наивысшая оценка этого удивительного, прекрасного издания! С точки зрения содержательности, глубины освещения материала, колоссальных трудовых, эмоциональных, материальных затрат этому изданию на сегодняшний день в современной России равных нет.*

Это – Подвиг. Трудовой, нравственный подвиг организаторов, вдохновителей, составителей «Вестника». Это прежде всего подвиг **Виктора Владимировича Круглова**, офицера-наставника уссурийских суворовцев из 60-х. Я несколько раз встречался с ним в Москве и всякий раз поражался его бесконечной *влюблённости* в Дело, которому он посвятил всю свою жизнь. *И служит он сегодня этому великому Делу – делу сохранения исторической памяти русского народа – самозабвенно и бескорыстно.* И ни о каком «заслуженном отдыхе» ветерана Вооружённых Сил с солидным постпенсионным стажем не может быть и речи: тот колоссальный труд, тот огромный объём работы, связанный с изданием «Вестников», со сбором и анализом поступающей информации, с живой обратной связью со своими коллегами и учениками, с деловыми переговорами и т.д., и т.п. – этот объём работы лично меня поражает до глубины души. Потому что в начале 90-х прошлого века я уже пытался делать нечто подобное.

Позвольте справку. В 1991-1992 гг. я издавал первую частную российскую литературную газету «Ностальгия». Первую после выхода в свет Закона о печати СССР в 1990 году. Печатал неизвестных и малоизвестных авторов из российской глубинки. Провёл в Москве Учредительный съезд «Межреспубликанской свободной творческой ассоциации "Потерянное литературное поколение"», был избран президентом этой ассоциации... И всё это – на свои личные деньги, которые зарабатывал до этого всю свою трудовую жизнь. А моя трудовая жизнь прошла прежде всего на производстве: от ученика слесаря-сверловщика на заводе «Сибэлектротражмаш» в г. Новосибирске до главного метролога крупного производственного объединения в г.

* Приказом Сталина в 1943 году была создана целая сеть суворовских училищ для детей погибших солдат, в том числе в г. Курске. А в 1957 году это училище перевели (вместе с курсантами) в г. Уссурийск.

Запорожье. Последние 12 лет работал (и продолжаю работать) в ГКНПЦ им. М.В. Хруничева на должностях рядового состава.

Так вот – меня в начале 90-х, тогда ещё молодого (40 лет!) хватило только на два года. Не сдюжил – сломался, обанкротился. Надорвался, не справился. Слабак. Был бы суворовцем – просто так, без боя, не сдался бы. И вот вижу: В.В. Круглов в свои без малого 80 неутомимо, из года в год проворачивает как бы играючи (воистину русский богатырь!) такую глыбу, такую махину проблем и забот! Да, я понимаю, что у него есть команда, есть единомышленники, но ведь эту команду надо было создать, сотворить, организовать!

Честь и хвала Вам, дорогой Учитель и Наставник! Ваш подвижнический труд никогда не будет забыт россиянами, современниками и потомками, уссурийскими суворовцами, их детьми, внуками и правнуками. Низко кланяюсь Вам я, Ваш земляк, старый русский солдат и поэт.

В.В. Круглов рассказывал мне о многих выдающихся людях, выпускниках УСВУ, о своих учениках, просил особо отметить одного, другого, третьего... Но я, ознакомившись с материалами «Вестника» (№ 1,2), с биографиями этих ребят, в основном моих ровесников, понял: мне этого делать не надо. И вот почему: каждый – да, именно каждый из упомянутых в «Вестниках» офицеров, с их уникальной и прекрасной воинской биографией, – достоин не только отдельного доброго слова (а такие слова о них уже сказаны), а достоин отдельного очерка, отдельного жизнеописания, отдельной книги.

Выделить кого-то, владея неполной информацией, – значит, обойти другого, не менее достойного. И поэтому я просто всех своих земляков, уссурийских суворовцев, крепко обнимаю и желаю всем-всем крепкого здоровья, благополучия, счастья в семейной и личной жизни (да простят меня женщины-жёны, верные спутницы, за этот незамысловатый грубоватый солдатский юмор).

Но об одном человеке, которого лично знаю, – о **Сергее Андреевиче Медведеве** – всё же скажу особо. Именно благодаря знакомству с ним я приобщился – пусть где-то сбоку, в арьергарде, в обозе, – к суворовскому движению. С.А. Медведев вполне оправдывает свою фамилию. И вовсе не богатырским телосложением и не кремлёвским паркетным карьерным ростом. По-юношески угловатый, стройный офицер, трудяга, мой младший товарищ (а я старше его на два года) преподавал мне, как и В.В. Круглов, урок мужества и стойкости в минуту тяжких испытаний, в которую всем нам, здесь присутствующим, довелось жить. Эти крутые, бестолковые, беспощадные перестроечные годы... Не буду говорить о жизненных трудностях и печалях, которые пришлось пережить Сергею, о заботах, которые тяжким грузом легли на его плечи. Я скажу о том, что редко кто в этой жизни вызывал во мне столь искреннее, столь глубокое чувство восхищения и уважения. Этот че-

ловек даже внешне, всей своей гордой, на первый взгляд, хрупкой статью похож на **А.В. Суворова!** Он похож на него своей железной волей, жизнестойкостью, характером, целеустремлённостью, жизнеутверждающим – несмотря ни на что! всем смертям назло! – оптимизмом. Полковник С.А. Медведев – настоящий русский офицер, в нём живёт дух и величие истинного, не на словах, а на деле, патриота России, солдата суворовской закалки.

Я сломался, проведя лишь один Всесоюзный съезд единомышленников в Москве, а Сергей Андреевич на посту председателя Московского клуба выпускников Курского Уссурийского суворовского училища делает эту титаническую работу упрямо и последовательно из года в год, сцепив зубы, с улыбкой на устах.

Всех благ тебе, Сергей, счастья и госпожи Удачи на крутых жизненных виражах.

Не могу не отметить ещё одного человека. Лично мы никогда не встречались, но, ознакомившись с «Вестником» (№ 1,2), я понял, благодаря кому это великолепное издание, как таковое, и существует в суворовском движении, в истории России. Это – **Владимир Иванович Гаврилов**. Он – генеральный спонсор не только этого издания, но и других знаковых мероприятий, связанных с историей суворовского движения, с его повседневной жизнью. Ещё недавно я сетовал в прессе на то, что перевелись, дескать, на Руси **Морозовы, Третьяковы, Сытины, Дягилевы, Лавровы...** И вот с удовлетворением убеждаюсь: такие люди есть в современной России! И, возможно даже, не человеки во множественном числе, а именно он – один на всю Русь святую! – Владимир Иванович Гаврилов. Человек с насквозь русским именем-отчеством и фамилией (на Иванах земля русская держится! Владей миром!), подпирает он своими могучими плечами не только суворовское движение, но и наши сокровенные надежды, чаяния, нашу веру в возрождение великой, могучей Российской Империи. Низкий поклон Вам, Владимир Иванович, и долгие лета!

...Да, значит, не только на Ивановых и Медведевых держится Россия – она держится и на Гавриловых. Она держится на **Родиных и Быковых, на Сафиных и Зиганшиных, на Колесниковых и Комардиных, на Салиховых и Запорожанах** – на всех вас, дорогие мои вновь и навеки обретенные друзья, земляки, уссурийские витязи!

И вот ещё о чём хочется мне сказать: о том, насколько тесен мир, насколько плотно переплетены судьбы людей. Вот читаю в «Вестнике»: **Майя Ивановна Дюжик**. Работала преподавателем физики в УСВУ. Окончила *Уссурийский государственный педагогический институт*, факультет «Физика и основы производства». Я, ваш покорный слуга, закончил УГПИ в 1973 году, факультет – «Физико-математический». Знак? Безусловно. И сегодня я горжусь тем, что довелось мне учиться в одних стенах, в одном вузе со столь

замечательным и заслуженным человеком. И неважно, что потом был ещё *Запорожский машиностроительный институт*, а параллельно – литературная работа (издал три книги стихотворений), но сегодня для меня прежде всего важен факт сопричастности к судьбе (краем-краешком!) Майи Ивановны! Многие годы и по сей день М.И. Дюжих работает директором одной из лучших московских школ с гимназическими классами. В энциклопедическом издании «Женщины Москвы» рассказ о ней, о её жизненном пути занимает своё почётное место. Майя Ивановна – отличник народного просвещения, член экспертного Совета Южного округа г. Москвы, награждена медалью «В память 850-летия Москвы». Низкий поклон Вам, Майя Ивановна! Дальневосточники гордятся Вами!

Читаю «Вестник» дальше. **Самойлова Любовь Гавриловна**, преподаватель химии и биологии УСВУ. Ветеран труда. Я имел честь опубликовать в ежемесячнике «Литературный меридиан» в прошлом году рецензию на её замечательный рассказ-воспоминание «Мы ему – варежки, он нам – жизнь». Этот рассказ Л.Г. Самойлова опубликовала в том же издании ранее – об одном из реальных эпизодов Великой Отечественной войны. Я не пожалел хороших, тёплых, восторженных слов – рассказ и судьба автора этого рассказа таких слов заслуживали. И вот, пожалуйста, наша заочная неожиданная встреча на страницах «Вестника дальневосточных кадет». Знак? Безусловно. Всё в этом мире не случайно, все мы связаны друг с другом единым информационным духовным полем.

Кстати, читая «Вестник», я подивился (и обрадовался) обилию стихотворных текстов, наличию замечательных художественных – прозаических, мемуарного плана, – произведений. Авторы: **Турчинов В.М., Трошин А.А., Щербович В.М., Попов А.А., Меньшов В.М., Михеев В.И., Кондратович Л.А., Алёшкин П.Ф., Боровский В.Д., Савченко В.И., Дуленцов В., Конопацкий А.К., Плугатарев И., Воронков А.А., Степанец Ю., Торсуков Е., Матвейчев А., Глаголев В.Н., Пьянзин В.К., Агатипов Н.С., Хлопушин А.С., Дедаев Ю.Н., Новиков О.И., Лаптев В.А., Однофамилец Н., Забелин В.А., Бондаренко В., Белавина-Миклашевская Н.**

Как это здорово! **Творческое начало, по моему мнению, – это одно из главных условий истинного профессионализма в любом деле.** Именно творческий подход в любой (подчёркиваю – в любой!) профессии позволяет находить нужное решение любой проблемы в любой, казалось бы, безвыходной ситуации. Не зря Михайло Ломоносов в своей Академии (в университете) ввёл за правило для студентов: писать дипломные работы (в любой области знаний – будь то история или химия, даже математика в её описательной части) *стихами, рифмованным размером*. Он понимал: стихосложение дисциплинирует мысль, не даёт ей «растекаться по древу». Творческий человек (не обязательно поэт) всегда

найдёт оригинальное решение проблемы там, где обременённый грузом энциклопедических знаний Инструкций и циркуляров вполне добросовестный служака растеряется и отступит.

В связи с этим не могу не вспомнить с горечью один эпизод своей трудовой биографии. В своё время, лет этак 7-8 назад, когда я был ещё относительно молод и в силе, один из руководителей *ГКНПЦ им. М.В. Хруничева* сказал в частной беседе моему «протезе»: «Мне поэты не нужны, мне нужны специалисты». (Я просился на работу, связанную с эксплуатацией ракетно-космической техники на Байконуре). По моему мнению, в данном конкретном случае уважаемый, достаточно крупный руководитель (слава Богу, он уже на пенсии) был не прав. Ведь поэт **Николай Чайка** – прежде всего инженер с солидным послужным списком: в 30 лет возглавлял службу *КИПиА в ПО «Запорожпромартур» Минхиммаша СССР*, и во многом благодаря способности мыслить творчески, нестандартно, находил такие технические решения, что к нему приезжали перенимать опыт специалисты со всей отрасли арматуростроения. А в 35 лет отроду, будучи руководителем *Приёмки Минэнерго СССР на Запорожском заводе высоковольтной аппаратуры*, остановил со своими коллегами затаенную серию взрывов трансформаторов тока на электростанциях страны, в т.ч. на АЭС (были человеческие жертвы). На опыте работы нашей *Приёмки* в 1986 г. в СССР была введена *Госприёмка*, вносящая на определённом этапе весомый вклад в повышение качества выпускаемой продукции в машиностроении. Три года назад я присутствовал на совещании в одном из НИИ в РАО ЕЭС (меня пригласили поделиться опытом: трансформаторы тока опять начали взрываться). Слушал я, слушал высоколобых учёных мужей, засыпавших меня мудрёными формулами, и сказал единственное: «Ваши формулы я если и знал раньше, то сегодня забыл. А чтобы решить проблему, необходимо следующее: найти такого же, как Чайка в былые годы, 35-летнего энергичного инженера с творческим потенциалом, поставить его руководителем *Приёмки на заводе-изготовителе* – и взрывы прекратятся. Других рецептов не знаю.»

Но я, дорогие друзья, отвлекся.

...В сентябре 2009 г. я имел честь получить из рук замечательного русского актёра, поэта, автора-исполнителя собственных песен **Михаила Ножкина** диплом *2-го Всероссийского фестиваля авторской песни «Бородинское поле»*. Если позволите, я исполню две песни из своего конкурсного военного репертуара: «*Колыбельная-1812*» и «*Песня старого русского солдата*».

А для тех, кто хотел бы творчески сотрудничать с Дальневосточным изданием «Литературный меридиан», сообщаю адрес:

**692342, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Телефон + 7 914-666-1-999.**

**Денис ПОПОВ,
г. Одесса, Украина**

*Наидосаднейший рецидив
в лабиринте распластанных улиц
я иду, поглощённый фоном,
в этом городе я, как Улисс
в царствии Персефоны.*

*всё, как видишь, теперь вернулось.
по брусчатке сырой Европы
я иду к тебе, словно Улисс
на свидание к Пенелопе.*

*сколько горя прошло – неважно,
как и то, кто сильнее плакал.
я, как Улисс, стремлюсь отважно
на прославленную Итаку.*

*–
в тесноте параллелей башен,
в декорациях января,
я увидел тебя озябшей
у светящегося фонаря.*

*подошёл, повинуюсь ветру,
с огорчением процедив:
– я люблю тебя, крошка, это –
наидосаднейший рецидив.*

Прибой

*это – хорошее вещество;
проще, когда неуместен ствол
и перекрыли газ.*

*я начинаю дышать на счёт.
и параллельно не думать насчёт
серо-зелёных глаз.*

*череда расставаний
и лента встреч.
и уже не спасает чужая речь,
если всё понимаешь.*

*остро чувствуешь,
что мало осталось жить.
я ни с кем так не буду уже дружить,
как с тобой.*

*понимаю, что это
всего лишь жизнь,
за которую, друг мой,
всегда держись.*

*одиночество лампой ночной
жужжит,
и колёсами тихо шуршит прибой.*

**Анастасия СТЕПАНОВА,
г. Красноярск**

** * *
А небо огромно, и дышит дождями,
И ломится в окна*

*цветущей сиренью,
И если до звезд мы едва не достали,
Откуда в душе появиться
смиренью?*

*Вдруг нежность проснулась,
взломала ключицы,
Пьянея от счастья, окликнула эхо...
Так пробуют голос*

*весенние птицы,
Чуть-чуть задыхаясь
от боли и смеха.*

** * *
Другая — свет в окне,
вечерняя звезда,*

*Запретные плоды.
А я тебе — трава,
а я тебе — вода.*

*Не вспомнишь без нужды.
Другая — теплота. И меда и вина
Двойная благодать.
А я тебе — вода.*

*Вычерпывать до дна,
О камни разбивать.*

В тиши неприхотливых строк...

**Маргарита КАЛЯКИНА,
г. Пучеж**

ГОРОД ЮНОСТИ

(Ижевск)

*Город юности моей
Душу растревожил,
Стал с годами мне родней,
Стал ещё дороже.*

*И трамваев перезвон
Этим утром гулким
Слышен мне со всех сторон
В тихом переулке.*

*Не была здесь много лет –
Стал неузнаваем,
Город юности привет
С первым шлёт трамваем,*

*На котором часто мне
Ездить приходилось,
А теперь грустней вдвойне:
Всё здесь изменилось.*

*Думалось мне, что ему
Я в объятия брошусь.
Оказалась, ни к чему
Эта непохожесть.*

*Отыскать я не смогла
Ни одно местечко –
То, что память сберегла,
Чем полно сердечко.*

*Город юности... вокзал
Заново отстроен.
И туманится в глазах
Всё пережитое.*

*Вновь сердца горят огнём,
Ночи та же лунность.
Бродит в городе моём
Снова чья-то юность.*

БЕРЕГИНЯ

*На крутом берегу,
за осокою синей,
Где жила ты, колдунья моя –
Берегиня,*

*Одуванчиков пух,
словно снежное поле,
Белый конь на лугу,
возле речки раздолье.*

*Над калиткой твоей
раскудрявые клёны,
Распевал соловей
без умолку влюбленно.*

*И в душе моей песня
с тех пор и поныне.
И в груди моей тесно
от любви к Берегине.*

*По осенней листве,
как пергамент, шуршащей,
Я бежал на рассвете
на свет тот манящий,*

*Чтоб на окна взглянуть,
где мелькнёшь силуэтом,
Кисть рябины воткнуть
в двери вместо приветов.*

*Под окошком твоим
я стоял тихой тенью
И мечтой о любви
начинал каждый день я.*

*А теперь в том окне
очертанья другие.
Не приснилась ли мне ты,
моя Берегиня?!*

«НАУКЕ МОРЕМ ХОДИТЬ – УЧИТЬСЯ ОСОБО...»

Пётр ПУЗИН,
заместитель начальника СВФ
МГУ им. адмирала Г.И. Невельского,
г. Владивосток

27 января 2010 года исполнилось 309 лет морскому образованию в России. История свидетельствует о её сложном, порой драматическом пути, но главное то, что сегодня российская система морского образования является одной из лучших в мире. Доказательство этого – постоянный спрос наших моряков на мировом рынке труда, ориентация многих стран на российские методики и технологии обучения, их заинтересованность в подготовке своих специалистов в морских учебных заведениях России.

Еще при Иване Грозном, Борисе Годунове и основателях династии Романовых пытались “в Европу прорубить окно” – для развития промышленности и торговли, преодоления политической и экономической изоляции страны. Но лишь при Петре I, в октябре 1696 г., по решению Боярской Думы впервые в многовековой истории России были заложены основы строительства государственного военного и транспортного морского флота. Успешно завершившийся второй Азовский поход убедил императора в важности флота в обороне государства и решении других внешнеполитических задач. Россия становилась великой морской державой.

Быстрорастущему флоту не хватало специалистов: Петр, хотя и приглашал на морскую службу иностранцев, прекрасно понимал, что стране нужны свои, доморощенные кадры, особенно командного состава. По его указу от 27 (14) января 1701 г. в Москве была открыта школа “Математических и навигацких (то есть мореходных) хитростно искусств учения”, куда поначалу приняли 200 человек возрастом от 12 до 33 лет на срок обучения от 4 лет и более. Первое время она находилась в ведении Оружейной палаты, а затем – Адмиралтейской канцелярии, размещалась в Сухаревой башне, ранее служившей Сретенскими воротами Москвы. Это четырехъярусное строение как нельзя лучше подходило будущим мореходам для астрономических наблюдений.

Из стен Навигацкой школы вышли первые российские штурманы, гидрографы, инженеры, известные деятели русского флота В. Чичагов, З. Мишуков, Д. Калмыков, П. Кашкин, А. Круз, П. Пушкин, К. Зотов, Г. Муханов, Н. Головин, С. Лопухин, Ф. Соймонов. Штурманы П. Чичагов, С. Малыгин, А. Скуратов, Г. Золотарев, А. Кожин и другие прославились исследованиями морей и побережий. С этой школой связано имя знаменитого ученого Л. Магницкого, создателя “Арифметики”, по которой обучались многие поколения учеников и которая содержала ряд мореходных таблиц.

О важности этого учебного заведения говорит тот факт, что Петр I сам проводил смотры и экзамены выпуск-

ников школы, собственноручно распределял их по назначению.

Следующий шаг в развитии морского образования в России – появление в Санкт-Петербурге Морской академии, или Академии морской гвардии. Это было уже настоящее военно-учебное заведение с правильным распределением занятий, соблюдением военного порядка и дисциплин. 200 слушателей из 399 были переведены сюда из старших классов Навигацкой школы. В основном же в Морскую академию принимали детей из знати и состоятельных дворян.

В 1716 г. в российском флоте было учреждено звание гардемарина (морского гардејца), переходного от воспитанника Морской академии к чину мичмана, а затем и офицера. Носить это звание считалось честью для молодых людей даже известнейших фамилий.

Позднее Навигацкая школа и Морская академия были соединены и переименованы в Морской кадетский корпус. Стали совершеннее учебные программы, вводились новые дисциплины, особое внимание уделялось изучению иностранных языков.

Создатели морского образования в России первостепенное значение придавали таким качествам будущих моряков, как строгое следование дисциплине, выдержка, верность долгу перед Отечеством, храбрость и разумная инициатива. Именно в Морском корпусе воспитывались будущие флотоводцы, морские исследователи, истинные патриоты России: Ф. Ушаков, Д. Сенявин, М. Лазарев, П. Нахимов, В. Корнилов и многие другие.

В то время военные суда обеспечивали и коммерческие перевозки, но уже в середине XVIII в. началось “разделение труда”, появился торговый флот. Рижский магистрат предложил использовать в нём на льготных условиях иностранцев, пожелавших принять русское подданство, однако правительство высказалось за учреждение навигацких школ в российских городах, в том числе и в Аст-

рахани, с тем, чтобы у России были собственные судоводительские кадры. Средств не хватало, поэтому решено было обучение проводить индивидуально на купеческих судах с экзаменовкой в Адмиралтействе.

Как это ни странно, но первая навигацкая школа коммерческого флота появилась в Иркутске в 1753 г., где готовили топографов, многие из которых, по стечению обстоятельств, плавали штурманами. В 1783 г. в Санкт-Петербурге, а затем в Холмогорах появились водоходные училища, куда принимали воспитанников на полное государственное обеспечение – будущих учителей морского дела. Однако первые успехи этих заведений были незначительны. Они то закрывались, то реорганизовывались. Вопрос о подготовке опытных судоводителей для торгового флота вновь поднял в 1803 г. астраханский военный губернатор, и не случайно. Астрахань с момента присоединения к Российскому государству являлась форпостом южных рубежей, центром пересечения важнейших торговых путей. Необходимо было строить и совершенствовать суда, готовить кадры судоводителей. Все это получило наибольшее развитие в петровское время, особенно в связи с переориентацией государственной внешней политики с северного направления на южное. После Персидского военного похода (1722-1723 гг.) Петра I Россия закрепилась на Каспийском море, что позволило расширить морские торговые операции. Число торговых судов росло, но опытных судоводителей не хватало. Было решено обучать штурманов в Морском корпусе на средства астраханского купечества.

На более прочную основу морское торговое образование было поставлено в 1829 г., с открытием в Санкт-Петербурге училища торгового мореплавания. В 1832 г. было построено первое учебное судно. В 1834 г. – открыто Херсонское училище, где наряду с навигационными предметами, учитывая специфику района плавания, изучались турецкий, греческий и итальянский языки. Выпускники училищ освобождались от рекрутства, телесных наказаний и подушного оклада. Попытка учредить навигационные классы при уездных училищах не оправдала себя, и в 1842 г. в некоторых городах были открыты самостоятельные шкиперские курсы.

В 1890 году во Владивостоке открыты Александровские мореходные классы, положившие начало Дальневосточной государственной морской академии, в дальнейшем ставшей Морским государственным университетом имени адмирала Г.И. Невельского.

Выпускники морских учебных заведений внесли огромный вклад в укрепление мощи военно-морского и торгового флота России, в развитие морского судоходства, освоение Дальнего Востока, Арктики, Антарктики и Северного морского пути. Их имена увековечены в сотнях названий морских судов и на географических картах.

Одним из наиболее одарённых был выпускник Николаевского-на-Амуре мореходного училища, ос-

нованного в 1855 году (ныне Сахалинское мореходное училище), прославленный русский флотоводец, океанограф, кораблестроитель, руководитель двух кругосветных плаваний адмирал С.О. Макаров.

И все-таки, несмотря на интересный опыт подготовки моряков, вся система образования России в 60-х годах XIX в. с изменением экономического уклада России, отменой крепостного права требовала перемен. Особая комиссия при Министерстве финансов утвердила новое положение о мореходных школах, а 19 марта 1876 г. – о мореходном классе в городе Астрахани.

В 1902 г. мореходный класс преобразуется в 2-классную мореходную школу, затем в Астраханское мореходное училище дальнего плавания, а в 1992 г. – в Астраханский морской колледж. Из 12 тысяч выпускников многие прославили Alma Mater самоотверженным трудом на флоте и на берегу, стали руководителями крупных предприятий, преподавателями, авторами учебников по морскому делу.

Специалистов для работы в море готовят также Астраханское речное училище, Волго-Каспийский рыбопромышленный техникум, технический университет.

Более десятка морей омывают берега нашей России. Ее экономическое возрождение во многом связано с расширением внешней торговли, развитием современной морской науки, и учебные заведения Астрахани играют в этом процессе свою значительную роль.

Современные квалифицированные кадры готовит Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского. Его роль в развитии морского образования на тихоокеанском побережье одна из ведущих в России, о чём говорит богатая и славная история вуза, начавшего подготовку к 120-летию морского образования на Дальнем Востоке.

Рисунок Леонида ЧЕРНОВА, г. Уссурийск

Слушая голоса озера Рицы и Новоафонских гор

Василий САМОТОХИН,
г. Санкт-Петербург

«Кто был в Новом Афоне и не поднимался на Иверскую гору, этот человек подобен тому, кто был в Риме и не видел в Ватикане римского папу».

А.П. Чехов

Зимний отдых в Абхазии не менее прекрасен, чем летний. Каждый год республика принимает миллионы туристов, которых привлекают уникальная природа этих мест и сравнительно низкие цены. Абхазцы всегда радушно встречают гостей из России, а сейчас, когда разрешились политические проблемы, в особенности.

Летом из-за наплыва отдыхающих прохождение всех формальностей на границе длится по нескольку часов, зимой же пограничный и таможенный контроль экскурсионных автобусов занимает от силы 20 минут.

Наша экскурсия началась с посещения города Гагра, который окружают рощи пицундской сосны. Гордость курорта – горячий сероводородный источник, возвращающий бодрость, силу и здоровье. Осмотрев Жозьварское ущелье, поднялись на гору Мамзышха, откуда с высоты почти двух километров открывается потрясающе красивая панорама Гагры и Пицунды. От вида бескрайнего моря, переходящего в горизонт, и неба, которое удивляло нас своими красками, захватывало дух. Время, которое обычно несётся с большой скоростью, здесь, казалось, замерло в восхищении перед величием природы.

В отличие от города Гагра Пицунда выглядит как небольшой посёлок, но целебный воздух, напоённый ароматом хвои и запахом моря, манит сюда ежегодно тысячи отдыхающих. Здесь можно увидеть сосны, возраст которых перевалил за 200 лет, заросли приморской лилии, самшитовую рощу. Туристы с удовольствием посещают и местную достопримечательность – Пицундский храм, где больше тридцати лет существует органная зала. Под его древними сводами звучит музыка Шуберта, Баха, Бетховена.

Удивительно уютный абхазский город Гудаута. Здесь нас угощали необыкновенно вкусными сырами из коровьего и овечьего молока – чекилом копчёным, сулугуни, брынзой. Кислое молоко и сыры вообще занимают особое место в питании абхазов – они не едят устриц, раков, конины, грибов. Зато обожают козлятину и баранину.

А на базаре по вполне умеренным ценам можно купить мандарины, лимоны (20 рублей за кг мандаринов и 30 рублей за лимоны), чурчхелу – уваренный виноградный сок с грецкими орехами. В кафе, ресторанчиках подают форель, жаренную на решётке, уху черноморскую и хачапури по-имеретински, которые местные жители называют нарта. Лепёшки с домашним сыром готовятся при вас и подаются большими порциями. Вместо хлеба

здесь употребляют мамалыгу (пресную и очень густую кашу из кукурузной муки).

В пяти километрах от города Гудаута располагается древнейшее в Абхазии – ему 1500 лет – село Лыхны. Главной исторической и архитектурной ценностью этого местечка является храм Успения Божией Матери, которому более тысячи лет. Причём он ни разу не подвергался серьёзной реставрации и сумел сохранить свой первозданный вид. На его стенах фрагменты росписи XIV века.

Журналистское любопытство завело меня на избирательный участок, где в то время проходили выборы президента республики. Глава поселкового совета был откровенен в своём мнении о том, что главной ставкой в политической борьбе являются ресурсы Абхазии. И речь идёт не только о российской экономической помощи, но и вовлечении страны в подготовку к Олимпиаде 2014 года. Абхазия уже сейчас поставляет на сочинские стройки тонны стройматериалов. При хорошем стечении обстоятельств Игры способны стать локомотивом развития экономики республики. Вначале благодаря роли строительного бизнеса и промышленности, а затем – за счёт размещения гостей Олимпиады. Волновало главу поселкового совета то, что в Абхазии остаётся высоким уровень безработицы – около 2/3 трудоспособного населения. Особенно это заметно на селе, где проживает половина населения республики. Государственная помощь сельским труженикам недостаточная, считает мой собеседник, а порой носит символический характер. И это при том, что все говорят: село – основа выживания народа и сохранения его самобытности. Значит, и отношение к этому вопросу должно быть соответствующим, уверен поселковый глава, как к вопросу национальной безопасности. Если президент обеспечит село дотациями и кредитами, поможет в становлении фермерских хозяйств, то ситуация быстро изменится в лучшую сторону.

В том же селе нас повели в винные подвалы. Пропитанные тонкими ароматами, они напоминали соборы с высокими сводами и длинными рядами бочек. Путешествие по ним сродни походу в музей, где каждый экспонат можно попробовать на вкус и даже купить.

А потом нам посчастливилось побывать на конноспортивных состязаниях. Все желающие могли сфотографироваться на фоне живописных развалин дворца, который на протяжении нескольких столетий принадлежал князьям Абхазии Чачба-Шервашидзе и был разрушен в 1866 году.

На северо-восточном берегу Чёрного моря расположена Новоафонская карстовая пещера – самая крупная пещера Западного Кавказа. Её возраст – около двух мил-

Абхазия, Новый Афон, пещера Симона Кананита

– это начинается Великая абхазская стена, протяжённость которой составляет 160 километров. Число башен составляет почти 2 тысячи, и каждая – неприступная крепость с тремя рядами бойниц.

Долгим оказался путь на озеро Рицу – жемчужину Кавказа. Живописная дорога вьётся среди гор. Вот сверкнула серебром река Бзыбь, и шоссе сворачивает в лес и поднимается от субтропиков до альпийских лугов. Но пути – Голубое озеро, которое сияет в лучах солнца. Сквозь ветви пихт искрится снег, высота трассы местами достигает более тысячи метров над уровнем моря. Автобус выезжает из ущелья, и нашему взору открывается красавица Рица. Выше озера хорошо виден Авадарский минеральный источник, несущий из недр

лионов лет. Самый верхний уровень – 170 метров, нижний – 36. Пещеру открыл спелеолог-археолог Гиви Смыр. Новоафонская пещера – грандиозный подземный город, занимающий площадь более 40 тысяч квадратных метров. По своим размерам она соперничает с такими гигантами, как Карлсбадская в США и Шкоцианская в Словении. Воистину восьмое чудо света!

По искусственно пробитому тоннелю маленький поезд доставил нас в необычайно красивый дворец с озёрами, сталагмитами и сталактитами. Экскурсовод провела по шести из девяти залов. Каждый из них прекрасен по-своему. В зале «Москва» обитают летучие мыши. В нижнем зале «Абхазия» потрясают воображение два подземных озера – Голубое и Анатолия. На мой взгляд, самый красивый зал – «Сухуми». В музыкальном зале «Иверия» звучит Бах, и мелодия, звучащая под куполом, обретает удивительную глубину и насыщенность.

В завершение экскурсии нашему взору открылся каменный водопад Апсны (Страна души). Только от его вида хватит впечатлений на многие годы!

Затем нам показали самое культовое сооружение Абхазии – Новоафонский собор, высота купола которого сорок метров.

Из центра Нового Афона на Иверскую гору мы поднялись за час. Испили воды из святого источника и насладились шикарной панорамой города. Тем, кто предполагает поехать отдохнуть в Абхазию, можно посоветовать не упустить эту возможность. Ведь ещё Антон Павлович Чехов писал в 1888 году: «Кто был в Новом Афоне и не поднимался на Иверскую гору, этот человек подобен тому, кто был в Риме и не видел в Ватикане римского папу».

В столице Абхазии Сухуми тоже есть что посмотреть. Она – один из древнейших городов мира, основанный более 2500 лет назад древнегреческими купцами из Милета. Развалины крепости и замков раннего средневековья, филармония, два театра, абхазский и русский, обезьяний питомник, дендрарий, ботанический сад. В пяти километрах от центра города высятся башни из валунов

гор свои целебные воды. На смотровой площадке нам предложили отведать жаренную на вертеле тушу ягнёнка, начинённую кисломолочным сыром, аджикой, мятой, и варенное в молоке мясо козлёнка и непременно – домашнее холодного вина.

Абхазия, Новоафонский монастырь

Главные воспоминания от Абхазии – запах мандаринов и лимонов, терпкий вкус вина и ослепительное море, от которого не оторвешь взгляда. На обратном пути заехали в Гагры, экскурсовод рекомендовала именно в этом городе посмотреть на закат, даже если вы никогда не считали себя романтиком. Любовались мы на заходящее солнце за столиками в прибрежном ресторане. За бокалом «Букета Абхазии» – самого известного в регионе – мы делились впечатлениями о днях, проведённых в этом потрясающем крае, и через окна, обращённые к морю, смотрели на красное, медленно опускавшееся в воду солнце. За соседним столиком абхазы отмечали переизбрание главы республики, за которого они голосовали. За дружеским застольем провозглашались тосты за Россию и её лидеров. Было понятно: искренняя благодарность абхазов велика, симпатии к России и россиянам – в наивысшей точке. И в интересах обеих стран – чтобы эти симпатии не ослабели.

Красный ратоборец

Сергей ЮДИНЦЕВ,
г. Владивосток

Продолжение. Начало в «ЛитМ» № 2 (2010 г.)

**Историко-литературный очерк (документы, воспоминания, версии).
К 90-летию разгрома Охотского фронта Сахалинской области партизанской
армии ДВР под командованием Якова Ивановича Тряпицына**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВРЕМЯ ЛИЧНОСТЕЙ

Окрепнув и возмужав в жестоких боях, Яков Тряпицын начинает понимать, что война, в которую втянута Россия, может длиться долгие годы. Об этом в ротах и полках открыто говорили большевистские агитаторы, растворившиеся в солдатской массе. Молодой прапорщик, обладая острым умом, смекнул, что в России грядут перемены. Значит, наступает время личностей, которые поведут за собой уставшие от войны рабоче-крестьянские массы.

В октябре 1917 года Кексгольмский лейб-гвардейский полк принял линию большевиков и перешёл на их сторону. В составе полка 19-летний прапорщик участвует во взятии Зимнего дворца. В 1918 году, будучи бойцом Красной Гвардии, во время подавления самарского белогвардейского мятежа Яков бежит в Иркутск, где попадает под арест. Его заключают в тюрьму, но он совершает побег. В своём романе «Враги» белоэмигрант Яков Лович (Дейч) приводит диалог Михаила Фролова, бывшего унтер-офицера царской армии, и командира отряда Якова Тряпицына:

– Рассказывайте, – говорит Тряпицын. – Всё по порядку. Начинайте с Благовещенска. Я о вас слышал. Но должен знать всё о вас, если хотите служить народной власти под моим началом.

– ...Дознались белые, как я бил их на вокзале и в городе, и приговорили меня к расстрелу... Когда повели с суда снова в тюрьму, стукнул я одного конвойного по голове, сбил другого с ног, да и через забор. Ночью выбрался из города, украл лодку – и на ту сторону Зеи. А там нашёл друзей, товарищей. Проводили они меня в штаб партизана Шилова... На Бурее стало плохо: белые туда пришли, японцы... решил в Хабаровск подаваться. Здесь чуть не пропали. Нарвались на засаду, половину наших калмыковцы положили... Вот двадцать человек вывел. Услышал, что у вас есть полномочия от тайного революционного штаба, – и решил двигаться к вам.

– Да, – задумчиво говорит Тряпицын, не сводя глаз с Фролова... Молчит некоторое время, потом снова говорит – придушенным низким голосом: – Нынче весною я сюда пробрался... из Самары. Тяжёлый... был

путь. В Иркутске меня поймали... Не понравились их контрразведке мои ответы: разговаривал я смело, не по-холуйски. Ударил меня один прапорщик по лицу... убежал я из контрразведки, солдатик один помог... – Тряпицын закуривает папиросу, остро смотрит на Фролова.

– Вы, Фролов, мне нравитесь. Мне такие люди нужны. Если вы оправдаете моё доверие, я вам отдельный отряд дам. У меня целый план мобилизации крестьян разработан. Я хочу армию создать, и унтер-офицеры нам очень нужны будут.

– На Хабаровск думаете идти, товарищ Тряпицын? – с явным интересом спрашивает Фролов.

– Нет, это нам не по силам. Там японцев много. Я думаю вниз по Амуру спуститься, к Николаевску. Белых гадов там немного, японцев тоже мало. Город мы легко возьмём. Город хоть и небольшой, но богатый...¹

Ю.И. Квятковский в книге «Громы над Амуром» о преуспевающем городе Николаевске писал так: «Его интернациональное население – русские поселенцы и представители польской, немецкой, корейской, китайской и японской общин – занималось рыбалкой, торговлей, лесоразработками и добычей золота. Это был город, чьи на его содержание доходные статьи намного превышали расходы. Отсюда Россия осуществляла прямые торговые контакты не только со странами Тихоокеанского побережья, но и с Германией, Норвегией, Англией, Данией...»²

Разговор Фролова и Тряпицына состоялся уже после того, как Яков, оказавшись в Приморье, становится бойцом легендарного партизанского отряда под командованием Г.М. Шевченко. Другой должности ему здесь не нашлось, что послужило причиной разногласий с Шевченко. Тряпицын с небольшим отрядом уходит в Иман (ныне – Дальнереченск).

Осенью 1919 года отряд, насчитывающий 35 человек, ведёт боевые действия в районе станций Кругликово и Верино Уссурийской железной дороги. Именно отсюда началась героическая эпопея, а позже и падение бесстрашного командира. Брат И.А. Будрина, расстрелянного в Николаевске-на-Амуре, говорил, что авторитет у командира партизан бесспорен. Секретарь ревтрибунала Птицын, вспоминая те события, подчеркивал, что Я.И. Тряпицын был человеком «уравновешенным и обладал большим умом».

Председатель ревкома села Керби коммунист Сте-

пан Петрович Днепровский-Власов описал свою первую встречу с партизанским вожаком так: «Разговор только начал налаживаться, как в комнату быстро вошёл весьма энергичный, высокий молодой человек, с большой шевелюрой, с раскосыми глазами, утонувшими под большими чёрными бровями. На нём была черная сатиновая рубашка без пояса, на ногах – глубокие торбаса»³.

Это было зимой 1920 года в Николаевске.

А вот свидетельства Я. Ловича (Дейча), прапорщика армии адмирала Колчака: «Лицо его (Тряпицына – С.Ю) собеседника гораздо интереснее. Это брюнет, с курчавой, пышной, иссиня-чёрной шевелюрой. У него правильный нос, очень красивые, тёмно-серые глаза, красивый рисунок бровей и губ. Под маленькой бородкой чувствуется сильный, волевой подбородок. Этого человека можно было бы назвать красавцем, если бы не многое отталкивающее в его лице: недоброе, пронизывающее, угрюмое выражение серых глаз, недобрая усмешка, злой изгиб красивых бровей. Лицо сильное, властноприковывающее, чувственное...»⁴

Вернёмся в 19-й год. То, что Тряпицын отличался смелостью и решительностью в своих поступках, красноречиво говорят факты. Так, 10 ноября в 2 часа ночи из села Вятское, что в низовьях Амура, Тряпицын с отрядом из 35 человек выходит к Синдинскому озеру. В селе Малмыж, слившись с морским отрядом Г.С. Мизина, Яков организует партизанскую базу. Суждения о том, что он самовольно назначил себя командиром амурских партизан, в корне неверно. 2 ноября 1919 года в селе Анастасьевка (Хабаровский уезд) прошла конференция партизанских отрядов и революционных организаций. Тряпицын представлял третий отряд, в который вошли русские и китайцы. Революционный штаб доверил Якову командование не только третьим, но и четвертым отрядом, а всем соединением командовал Холодилов. Яков стал его заместителем. Так как не хватало продовольствия и фуража, партизаны экспроприировали в селе Вятском (контрреволюционном) запасы муки и другие продукты и выдвинулись на Анастасьевку. Холодилов ушёл с обозом первым. В селе Князе-Волконское партизаны попали в засаду. Казаки арестовали Холодилова, а отряд разгромили. Тряпицын сумел вывести своих бойцов из опасной зоны и запросил революционный штаб, а на вопрос, что делать дальше, получил ответ: «Идите вниз по Амуру и действуйте по своему усмотрению». Выполняя приказ, Тряпицын объединил по ходу следования блуждающих по тайге беглых каторжан и солдат-дезертиров Сахалинского гарнизона, китайцев и корейцев, рабочих-старателей и местное коренное население. В селе Малмыж произошло знаковое событие. Здесь, в районе сёл Синда – Малмыж, орудовал отряд И.К. Оцевилли-Павлуцкого, но так как калмыковцы, отступая, сожгли село Синда, а партизан Г.С. Мизин, будучи из этих мест, не воспрепятствовал террору, бойцы сместили его с должности заместителя командира. Они не простили

расстрела калмыковцами старосты Трифона Вашковца и пожилого отца одного из партизан по фамилии Рык. Тем не менее, вопреки негодованию подчиненных, Яков оставляет Мизина своим заместителем, о чём пожалеет в марте 1920 года.

Собравшись с силами и проведя разведку, партизаны пошли на Киселёвку, где засело более сотни казаков, не принявших Советскую власть. Тряпицын принимает смелое и твёрдое решение начать мирные переговоры. Днепровский так описал в своей книге тот эпизод биографии партизанского вожака:

«Небольшая часть отряда под командованием Оцевилли-Павлуцкого подошла к Киселевке, намереваясь самостоятельно отвоевать её у казаков.

Тряпицын прибыл в отряд Оцевилли-Павлуцкого один с предложением – подчиниться ему как командующему фронтом. Его арестовали дозорные и доставили на собрание партизан и крестьян, где обсуждался «текущий момент».

– Кто является старшим отряда? – спросил Тряпицын, доставая свои документы и намереваясь их предъявить. Оцевилли отозвался. Тряпицын рассказал о решении Анастасьевской конференции, о плане движения на Николаевск и потребовал подчинения ему, как командующему этим направлением, указав, что отряд Мизина уже находится в его подчинении.

Стоит отметить, что Тряпицына заключили под стражу до полного выяснения личности. Только на следующий день из Нижне-Тамбовки, куда переехал ревштаб, пришло подтверждение о том, что Яков Иванович не самозванец. А 22 ноября началась спланированная Тряпицыным операция по захвату Киселёвки. Днепровский писал: «Группа бойцов, переодетых с целью маскировки в казачью форму, выехала в деревню Зеленый Бор и остановилась у местного кулака Максима Татаринцева. Обрадованный приходом «своих» вместо ожидавшихся красных, он стал рассказывать, кто из односельчан большевик, кто белый.

Один из «казаков» решил поухаживать за молодой дочкой Татаринцева. Разгоряченная любезностью бравого кавалера, она разболталась:

– А мы для угощения партизан, когда они к нам пожалуют, приготовили пятьсот штук пельменей.

– Ишь ты, а нас пельменями не хотите угощать!

– Нельзя.

– Почему нельзя?

И шепотом, чтобы никто не слышал, она поведала:

– Пельмени со стрихнином...

Чтобы спасти свою шкуру, Татаринцеву, скрепя сердце, пришлось раскрыть и передать в руки партизан потайной склад оружия, патронов и стрихнина.

Тем временем в деревне поджидали другого крупного кулака-миродея, жителя Зеленого Бора, посланного партизанами в Киселёвку с поручением склонить казаков сдать без сопротивления. Члены семьи кулака остались на это время заложниками. Микрюков у белых слыл за своего человека, и его посылка считалась наиболее целесообразной. Но он вернулся ни

с чем: казаки решили не сдаваться. Тогда партизаны двинулись на Киселёвку и у самого поселка рассыпались цепью. Командир отряда Тряпицын решил, что сумеет справиться с несговорчивыми казаками лично. Он один поехал в Киселёвку и, встретив там на улице вооруженных людей, заявил им:

– Я командир партизанского отряда, сопротивление излишне, предлагаю сложить оружие, безопасность гарантирую, на размышление даю 30 минут.

Казаки обещали подумать. Но вскоре выяснилось, что большая часть из них бежала к белым, отряд которых расположился на почтовом полустанке Пульса, ниже Киселёвки. Послали погоню»⁵.

Вооруженные лыжники быстро догнали отступивших – завязался бой. У посёлка Пульса другие отряды попали в засаду белых и потеряли несколько бойцов в перестрелке. Сам Тряпицын через Киселёвку отправился в приисковые районы с целью пополнить отряды рабочими-горняками. В дальнейшем он планировал выйти в тыл белых где-то в районе Богородского, ниже по Амуру.

23 ноября партизаны взяли Сухановку и Циммермановку. Разведчики Тряпицына сумели разгадать план противника – белые шли со стороны Николаевска. Их было около двухсот человек. С 7 на 8 декабря завязался бой. Партизаны сосредоточили огонь на пулеметных гнёздах наступавших и заставили их замолчать. Белые потеряли более 40 человек убитыми. Офицер Токарев, несмотря на ранение в ногу, увёл часть личного состава в посёлок Софийск, где произошло объединение с киселёвскими казаками, другие – отошли в Мариинское, а значительная группа белых – дезертировала и влилась в отряд Д.С. Бузина-Бича.

Тряпицын сумел пройти на Агние-Афанасьевские прииски, где отряд пополнился рабочими, уничтожив «всех гадов», и, совершив рейд по тайге в 200 километров, вышел на Амур у села Богородское. По пути он экспроприировал золотой запас на прииске Спорном, где была взорвана золотосплавочная лаборатория и расстреляны рабочие драги Алексей и Иннокентий Усольцевы, не признавшие Советы.

Отряды Д.С. Бузина-Бича (бывшего учителя в найском селе Найхин) и Т.И. Наумова-Медведя, бывшего капитана царской армии, коммуниста (в дальнейшем – начальник партизанского штаба), соединились и подсчитывали трофеи после боя у Циммермановки. Бойцы захватили два пулемета «Максим», несколько десятков винтовок, санные упряжки с продовольствием, патронами и гранатами.

В районе современной Калиновки к отряду примыкает А.И. Комаров, ставший командиром полка, позже – начальником Николаевского гарнизона. Он вошёл в доверие партизанского руководства как активный участник подавления гамовского белоказачьего мятежа. В 1918 году он являлся командиром Красной гвардии в Благовещенске. Летом 20-го года

он лично возглавит мятеж в селе Керби – против штаба Тряпицына.

Тряпицын двигался вверх по Амуру кружным путем и практически выходил в тыл батальона полковника Ивана Николаевича Вица, что грозило белым оказаться в кольце. Это позже и случилось. Пользуясь непререкаемым авторитетом в войсках, Тряпицын по телефону связывается с полковником Вицем и предлагает ему сдаться – во избежание кровопролития. Намечается место переговоров. Иван Николаевич даёт согласие о встрече в Мариинском. На почтовых конях, один, без охраны, бесстрашный командир въезжает в село. Дальнейшие события описывает Днепровский-Власов:

– Кто идёт? – окликнул часовой при въезде в село.

– Командующий партизанской армией.

Часовой сначала растерялся, но, оправившись от неожиданности, спросил:

– К кому и зачем?

– К полковнику Вицу, для переговоров.

Тряпицына пропустили. Вскоре на почтовый станок, где он остановился, пришли два офицера и пригласили его в штаб белых, находящийся в доме кулака Кетова.

Появление Тряпицына в штабе, где, кроме Вица, находилось более десятка офицеров, произвело сильное впечатление. Полковник Виц предложил Тряпицыну положить на стол свой револьвер.

Кладя оружие, Тряпицын потребовал того же от Вица. Последний согласился, молча вынул из кобуры браунинг и положил на стол рядом.

Наступила минутная пауза. Её прервал Тряпицын:

– Ваше сопротивление бесполезно, вы обойдены кругом и от Николаевска отрезаны... Предлагаю сдаться. При добровольной сдаче будет гарантирована жизнь всем. Кто не запятнал себя порками и расстрелами трудящихся.

– Признаться, мы не ожидали такого глубокого обхода, – сказал Виц. – Что же касается вашего предложения, ответ я дам через час.

Белогвардейцы, за исключением одного офицера, удалились вместе с полковником на совещание в соседнюю комнату»⁶.

Потянулись томительные минуты ожидания. Теперь жизнь Якова зависела от полковника напрямую. Виц спустя час ответил: «Сдаться не можем – это позорит честь офицера»⁷.

1. Лович Я.Л. Враги. М. 2007.

2. Квятковский Ю.И. Громы над Амуром. Х. 1996.

3. Днепровский С.П. По долинам и по взгорьям. Х. 1956.

4. Лович Я.Л. Враги. М. 2007.

5. Днепровский С.П. По долинам и по взгорьям. Х. 1956.

6. Там же.

7. Там же.

Письмо ветерану

рассказ

Олег КОПЫТОВ,
г. Хабаровск

Елисей Трофимович устало возвращался из булочной. Еще лет пять назад и подумать бы не мог, что вот так устанет от такой ерунды: подумаешь, за хлебом сходил! Но – почти девяносто! Девяносто лет и зим. Как несколько жизней... Особенно та, вторая... Война. И вся его огромная жизнь, словно несколько жизней, делилась на две половины: до войны и после... И вот уже какая по счету идет после той войны... «Теперь уже последняя», – думал Елисей Трофимович.

В городе Томске в начале июня в самом разгаре весна. Тонкий аромат источает сирень в скверике перед домом. Елисей Трофимович привык к весне, не волновался весной. Еще немного – и вот тогда взорвется всеми красками яркое, гудящее нескончаемыми днями, жаркое, но не душное сибирское лето. «Скорее бы! – думал. – Может быть, последнее моё лето. Может быть, внуки в последний раз возьмут с собой на рыбалку, на Басандайку, вокруг – кедровники, хвойный рай. А можно и поближе, на Томь...»

В почтовом ящике белел конверт. «Странно!» – подумал Елисей Трофимович. Даже ему, человеку начала прошлого века, сейчас всё чаще стали писать... по этому... по компьютеру...

Достал конверт. Медленно, долго взбирался на третий этаж. Очень разволновался, когда еще на лестнице увидел на конверте обратный адрес: Великий Новгород... Елисей Трофимович воевал под Новгородом, в том самом Мясном Бору, о котором... О котором до сих пор мало кто знает правду... Где рота в сто бойцов уходила в контратаку с десятью винтовками и без единого патрона, а из этой контратаки в окоп уже не возвращался ни один из них... Где полмиллиона бойцов погибло ради того, чтобы не пустить врага в тонкое сердце России – в Ленинград. Полмиллиона русских парней погибло в трех лесах на семи болотах, на таком маленьком пятячке. Именно пятячке, по сравнению хотя бы с этими бесконечными сибирскими пространствами. Погибло так много, в десять, в двадцать раз больше врагов, потому... Потому что было ради чего погибать...

Елисей Трофимович развернул конверт и стал читать.

«Здравствуйте, Елисей Трофимович! Если Вы существуете на самом деле, значит, Вы читаете это письмо.

Глупое начало. Но, когда Вы прочитаете до конца, Вы поймёте, почему я так начал.

Меня зовут Константин. Костя Громов. Я из Санкт-Петербурга. Мне девятнадцать лет. Я член поискового отряда. Мы ищем останки бойцов и командиров Красной Армии времени Великой Отечественной войны, готовим их захоронения, пытаемся восстанавливать их имена, а главное – восстанавливать подлинную картину истории той великой войны. Занимаюсь этим уже второй год. В прошлом году мы работали на Невской косе, а в этом году были на раскопках на Новгородчине, в Мясном Бору. И вот буквально месяц назад со мной произошел удивительный случай.

Еще перед экспедицией мне говорили, что только в Мясном Бору случаются самые удивительные вещи. Там очень сильно явление, которое в науке называется «хрономираж». Это когда в современность врываются видения прошлого. А иногда даже не видения, а настоящие предметы и даже люди из прошлого. Говорят, в Мясном Бору души наших солдат, погибших в Великую Отечественную, подсказывают сегодняшним жителям тех мест и поисковикам места самых ожесточенных боев, прорыва сквозь немецкие «клевши», показывают места, где лежат останки солдат, предупреждают о неразорвавшихся минах и даже помогают проснуться заснувшим за рулем водителям, едущим из Новгорода в Чудово и Питер ночью. Рассказывали,

что погибшие в 1942-м солдаты иногда даже как бы оживают и разговаривают с поисковиками... Если бы я сам не стал свидетелем такого случая, ни за что бы не поверил.

Но, поверьте мне: такой солдат был, разговаривал со мной. Есть и еще один свидетель – моя девушка Инна. Именно к ней первым и подошел такой восставший из смерти солдат...

В общем, в апреле наш поисковый отряд «Штурм» выехал в экспедицию «Долина», на поиск в Мясной Бор. Опущу некоторые ненужные в данном случае детали, начну сразу с главного. В конце экспедиции, 23 апреля, мы с Инной работали отдельно от основного отряда. Мы как бы просматривали версию, что на краю очень топкого болота тоже могут быть останки. Был уже вечер. Солнце склонялось за лес. Тени стали очень длинные. И вдруг перед нами, как из длинной вечерней тени, вырос... солдат 1942-го года. «Вырос», – потому что мы не слышали шума его шагов, хруста веток, ничего не слышали, не видели, как он приблизился – он просто вырос перед нами из тени. И выглядел он так, словно это парень из нашего отряда, только одетый в сапоги, грязное галифе и летнюю гимнастерку, расстегнутую на груди, и из-под нее выглядывает белый кусочек нательной рубахи. Не по погоде, не по весне одет. Это мы – в теплом камуфляже. Он – так, как сегодня не одет никто. Коротко подстрижен, в особенности возле ушей, по бокам головы, без пилотки. Лет за двадцать. И сразу стал говорить: «Девчонка, ты неправильно копаешь. И не там копаешь, вот здесь копай, – показал он рукой за другое дерево. – Вот здесь Петяка лежит». Потом шагнул ко мне, я окаменел. «А ты, парень, вот здесь копай! Здесь я лежу!» А потом быстро стал говорить, словно он скоро исчезнет: «Слушай, парень, напиши в Сибирь, в город Томск. Оттуда дружок мой, мы вместе здесь были, я знаю, он должен был выжить. Его зовут еще так смешно – Елисей. Я его называл Царевич Елисей. Он должен выжить! Напиши ему! Только передай от меня привет. Запомни: Томск! Царевич Елисей! Привет от Сашки Питерского! Меня Сашка зовут. А Питерский – кличка. Я фамилию свою не люблю. Фамилия у меня глупая – Кочерга»...

Я всё до слова помню, Елисей Трофимович. На всю жизнь запомнил. Тогда тот человек быстро повернулся ко мне спиной и стал уходить в лес на заходящее солнце. Опять было впечатление, что он превратился в синюю тень от дерева...

На тех местах, куда он показал, мы нашли останки бойцов. Но без медальонов...

Я никому в отряде не стал рассказывать про тот случай. И взял слово с Инны, что и она не будет рассказывать, пока мы не найдем... или не найдем – Вас.

Мы с Инной послали запросы в Томский областной военкомат и в Томский совет ветеранов Великой Отечественной войны. Ответы получили быстро. И оказалось, что среди всех живущих сегодня фронтовиков, по имени Елисей – в Томске только Вы.

Пока у нас к Вам, Елисей Трофимович, только один вопрос: это Вы? Это Вы воевали вместе с Сашкой Питерским? В сорок втором под Новгородом? Если да – Вам от него привет...

Всё, не могу больше писать, извините...»

На этом месте, в самом конце, убористый, красивый почерк превращался в каракули, точнее, во что-то похожее на сломанные кусты новгородского леса...

Елисей Трофимович встал. Посмотрел вокруг, словно хотел убедиться, что он всё еще жив...

Да. Он был всё еще жив.

И резко, как боль, почувствовал, что именно с этого мига он будет жить вечно.

**Людмила БЕРЕСТОВА,
г. Лесозаводск.**

Зима

Только-только ночь сгустилась,
Тетка-вьюга в пляс пустилась.
И как будто за окошком
Снег скрипит под чьей-то ножкой.

– Кто там не боится вьюги?
Видно, с вьюгой вы подруги?

Эй, да это же Зима!
Проверяет все сама.
Чтоб насыпались сугробы
На тропинки и дома.

А закончит снег бросать –
Выйдет с вьюгой плясать.

Новый год

Папа Анечку будил
И тихонько говорил:
– Новый год уж на носу,
Скоро ёлку принесу.
Доставай игрушки,
Свечи и хлопушки.
Аня удивилась
И за нос схватилась.
У всех носы проверила –
Папе не поверила.

Как я потерялся на вокзале

Где мама? Где папа? Я потерялся.
Ведь я же за мамину руку держался.
Затем возле папиной левой ноги
Шел рядом, тихонько считая шаги.
И вот я один, а куда мне идти?
И где же мне маму и папу найти?
Придумал! Я на подоконник залез.
Людей – как деревьев, вокзал –
словно лес.

Я громко и что было сил, закричал,
Что даже народ весь
вокруг замолчал:

– Ро – ди – те – ли!!!
И вот уже мама навстречу спешит,
И папа из дальнего зала бежит.
Мне стало спокойно и так хорошо!
А все потому, что я сам их нашел!

Охранник

Я дома одна и совсем не боюсь.
Вот кто-то стучится,
а я не трясусь.
Меня охраняет собака моя.
Сейчас как залает, себя не тая.
Но, хвостик поджав
и запрятав глаза,
Ползет под кровать
всех бандитов гроза.
Я тоже полезу, и будет кровать
Меня и собаку мою охранять.

© Литературный меридиан

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 914-666-1-999

Тел. (+7) 924-263-29-79

(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185

E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск.

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объем издания – 4 печатных листа.
Тираж 800 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 17 марта в 17-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

ПОДПИСКА- 2010

Подписаться на ежемесячник «Литературный меридиан» можно с ЛЮБОГО месяца, отправив почтовым переводом соответствующую сумму по адресу:

**692342, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16.
Костылеву**

Владимиру Александровичу.

3 месяца — 150 рублей,

6 месяцев — 250 рублей,

1 год — 450 рублей.

При оформлении годового абонемента экономия от 50 до 150 рублей!

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить подписку даже на номера, вышедшие с начала текущего года.

К подписавшимся ежемесячно просьба указывать сроки начала и окончания подписки.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

По просьбам наших авторов публикуем номер банковского счета, на который можно перечислить средства на **СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «Литературного меридиана»**

ПЛАСТИКОВАЯ КАРТА

№ 4276 8500 9681 2919

в Арсеньевском ОСБ № 7718/7718

Получатель –

*Владимир Александрович
КОСТЫЛЕВ.*

**Сергей ПАГЫН,
г. Единцы, Молдавия**

* * *

*Все перемелет мельничка души:
бесславие, отчаянье, юродство.
Как ни пиши, как водку ни глуши,
но лишь слеза застывшая
сиротства*

*останется – волшебное зерно,
в наследство данное,
чтоб как-то в одночасье
со всею мощью проросло оно
к живущему вниманьем
и участием.*